

Искусство войны

Настоящая книга представляет собой трактат, который лет на 500 старше Библии и за прошедшие две с половиной тысячи лет распространялся общим тиражом, вполне сравнимым с самым гуманистичным произведением человечества. Жестокий парадокс человеческой истории – книги о Божественной любви и человеческой войне пользуются почти одинаковым успехом.

Сунь-Цзы ИСКУССТВО ВОЙНЫ

Предисловие переводчика

Из всех "Семи военных канонов" "Военная стратегия" Сунь-цзы, традиционно известная как "Искусство войны", получила наибольшее распространение на Западе. Впервые переведенная французским миссионером около двух столетий назад, она постоянно изучалась и использовалась Наполеоном, и, возможно, некоторыми представителями нацистского главнокомандования. В течении двух последних тысячелетий, она оставалась самым важным военным трактатом в Азии, где даже простые люди знали ее название. Китайские, японские, корейские военные теоретики и профессиональные солдаты обязательно изучали ее, и многие из стратегий сыграли немаловажную роль в легендарной военной истории Японии, начиная с VIII века. Больше тысячи лет концепции книги вызвали непрерывные дискуссии и страстные философские дебаты, приковывая внимание весьма влиятельных в различных областях фигур. Хотя книга много раз переводилась на английский, а переводы Л. Джэйлса и С. Гриффита не утратили значения до сих пор, продолжают появляться новые.

Сунь-цзы и текст

Долго считалось, что "Искусство войны" является древнейшим и наиболее глубоким военным трактатом Китая, а все остальные книги в лучшем случае второразрядными. Традиционалисты приписывали книгу историческому персонажу Сунь У, активна деятельность которого в конце VI в. до н.э., начиная с 512г. до н.э., зафиксирована в "Ши цзи" и в "Вёснах и Осенях У и Юэ". Согласно им, книга должна датироваться этим временем и содержать теории и военные концепции самого Сунь У. Однако, другие ученые, во-первых, определили многочисленные исторические анахронизмы в сохранившемся тексте, как-то: термины, события, технологии и философские понятия; во-вторых, подчеркивали отсутствие каких-либо свидетельств (которые должны были быть в "Цзо чжуань" – классической летописи политических событий того времени), подтверждающих стратегическую роль Сунь У в войнах между У и Юэ; и, в-третьих, обращали внимание на расхождение концепции крупномасштабной войны, обсуждаемой в "Искусстве войны", с одной стороны, и, с другой, запомнившимся лишь в виде атавизма сражения конца VI в. до н.э.

Традиционная интерпретация видит существенное доказательство своей правоты в том, что многочисленные пассажи из "Искусства войны" можно встретить во многих других военных трактатах, что, и это доказано, не могло бы иметь место, не будь текст более ранним. Считается даже, что такое повальное подражание означает, что "Искусство войны" – самый ранний военный трактат, ценившийся выше любой другой работы, устной или письменной. Появление некоторых аналитических концепций, таких, как классификация местностей, тоже связывается с Суньцзы; далее, их использование составителями "Сыма фа" считается бесспорным доказательством исторической первичности "Суньцзы", а возможность того, что сам Суньцзы исходил из других работ, не принимается во внимание.

Однако, даже если пренебрегать вероятностью более поздних наслоений и изменений, традиционная позиция по-прежнему игнорирует факт более чем двухтысячелетнего ведения боевых действий и существования тактики до 500 г. до н.э. и приписывает фактическое создание стратегии одному Суньцзы. Сжатый, часто абстрактный характер его пассажей приводит в свидетельство того, что книга была составлена на раннем этапе развития китайского письма, но можно выдвинуть в равной степени неотразимый аргумент, что столь философски изощренный стиль возможен лишь при наличии опыта боевых сражений и традиции серьезного изучения военной тематики. Базовые концепции и общие пассажи скорее всего говорят в пользу обширной военной традиции и прогрессирующих знаний и опыта, чем в пользу "творения из ничего".

За исключением изжившей себя позиции скептиков, считавших работу поздней подделкой, существует три точки зрения на время создания "Искусства войны". Первая приписывает книгу историческому деятелю Сунь У, полагая, что окончательная редакция была сделана вскоре после его смерти в начале V в. до н.э. Вторая, основывающаяся на самом тексте, приписывает его к середине – второй половине периода "Борющихся Царств";

то есть к IV или III вв. до н.э.. Третья, также базирующаяся на самом тексте, а также на ранее открытых источниках, помещает его где-то во второй половине V в. до н.э. Едва ли когда-нибудь будет установлена подлинная дата, ибо традиционалисты проявляют исключительную эмоциональность в защите аутентичности Суньцзы. Однако, вполне вероятно, что такая историческая личность существовала, и сам Сунь У не только служил стратегом и, возможно, командующим, но и составил канву книги, носящей его имя. Затем, самое существенное передавалось из поколения в поколение в семье или в школе ближайших учеников, с годами исправляясь и обретая все более широкое распространение. Самый ранний текст был, возможно, отредактирован знаменитым потомком Суньцзы Сунь Бинем, который также широко использовал его учение в своих "Военных методах".

В "Ши цзи" представлены биографии многих выдающихся стратегов и полководцев, включая Суньцзы. Однако "Вёсны и Осени У и Юэ" предлагают более интересный вариант:

"На третьем году правления Хэлюй-вана полководцы из У хотели напасть на Чу, но никаких действий не последовало. У Цзысуй и Бо Си говорили друг другу: "Мы готовим воинов и расчеты от имени правителя. Эти стратегии будут выгодны для государства, и поэтому правитель должен напасть на Чу. Но он не отдает приказов и не желает собирать армию. Что мы должны делать?"

Спустя какое-то время, правитель царства У спросил У Цзысуй и Бо Си: "Я хочу послать армию. Что вы думаете об этом?" У Цзысуй и Бо Си ответили: "Мы хотели бы получить приказы". Правитель У тайне полагал, что эти двое затаили глубокую ненависть к Чу. Он очень боялся, что эти двое поведут армию только для того, чтобы быть уничтоженными. Он взобрался на башню, повернулся лицом к южному ветру и тяжело вздохнул. Спустя какое-то время, он вздохнул снова. Никто из министров не понял мыслей правителя. У Цзысуй догадался, что правитель не примет решения, и тогда рекомендовал ему Суньцзы.

Суньцзы по имени У, был родом из царства У. Он преуспел в военной стратегии, но жил вдали от двора, поэтому простые люди не знали о его способностях. У Цзысуй, будучи сведущим, мудрым и проникательным, знал, что Суньцзы может проникнуть в ряды врага и уничтожить его. Однажды утром, когда он обсуждал военные дела, он рекомендовал Суньцзы семь раз. Правитель У сказал: "Раз вы нашли оправдание, чтобы выдвинуть этого мужа, я хочу видеть его." Он спрашивал Суньцзы о военной стратегии и каждый раз, когда тот выкладывал ту или иную часть своей книги, не мог найти достаточных для похвалы слов.

Очень довольный, правитель спросил: "Если возможно, я хотел бы подвергнуть вашу стратегию маленькой проверке." Суньцзы сказал: "Это возможно. Мы можем провести проверку с помощью женщин из внутреннего дворца." Правитель сказал: "Согласен." Суньцзы сказал: "Пусть две любимые наложницы вашего величества возглавят два подразделения, каждая поведет одно." Он приказал всем тремстам женщинам надеть шлемы и доспехи, нести мечи и щиты и выстроиться. Он обучил их военным правилам, то есть идти вперед, отходить, поворачиваться налево и направо и разворачиваться кругом в соответствии с боем барабана. Он сообщил о запретах и затем приказал: "С первым ударом барабана вы должны все собраться, со вторым ударом наступать с оружием в руках, с третьим построиться в боевой порядок." Тут женщины, прикрыв рот руками, рассмеялись.

Затем Суньцзы лично взял в руки палочки и ударил в барабан, отдавая приказания три раза и объясняя их пять раз. Они смеялись, как и прежде. Суньцзы понял, что женщины будут продолжать смеяться и не остановятся.

Суньцзы был в ярости. Глаза у него были широко открыты, голос подобен рыку тигра, волосы стали дыбом, а завязки шапочки порвались на шее. Он сказал Знатоку законов: "Принесите топоры палача."

[Затем] Суньцзы сказал: "Если инструкция не ясна, если разъяснениям и приказам не доверяют, то это вина полководца. Но когда эти инструкции повторены три раза, а приказы объяснены пять раз, а войска по-прежнему не выполняют их, то это вина командиров. Согласно предписаниям военной дисциплины, каково наказание?"

Знатор законов сказал: "Обезглавливание!" Тогда Суньцзы приказал отрубить головы командирам двух подразделений, то есть двум любимым наложницам правителя.

Правитель У взобрался на площадку, чтобы наблюдать, когда двух его любимых наложниц собирались обезглавливать. Он спешно отправил чиновника вниз с приказом: "Я понял, что полководец может управлять войсками. Без этих двух наложниц пища мне будет не в радость. Лучше не обезглавливать их".

Суньцзы сказал: "Я уже назначен полководцем. Согласно правилам для полководцев, когда я команду армией, даже если приказы отдаете вы, я могу выполнять." [И обезглавил их].

Он снова ударил в барабан, и они двигались налево и направо, вперед и назад, разворачивались кругом согласно предписанным правилам, не смея даже прищуриться. Подразделения молчали, не осмеливаясь взглянуть вокруг. Затем Суньцзы доложил правителю У: "Армия уже хорошо подчиняется. Я прошу ваше величество взглянуть на них. Когда бы вы не захотели использовать их, даже заставить пройти через огонь и воду, это не составит трудностей. Их можно использовать для приведения Поднебесной в порядок."

Однако правитель У неожиданно оказался недоволен. Он сказал: "Я знаю, что вы превосходно руководите армией. Даже если благодаря этому я стану гегемоном, места для их обучения не будет. Полководец, пожалуйста, распустите армию и возвращайтесь к себе. Я не желаю продолжать."

Суньцзы сказал: "Ваше величество любит только слова, но не может постигнуть смысл." У Цзысуй увещевал: "Я слышал, что армия – это неблагодарное дело, и ее нельзя произвольно проверять. Поэтому, если кто-либо формирует армию, но не выступает с карательным походом, военное Дао не проявится. Сейчас, если ваше

величество искренне ищет талантливых людей и хочет собрать армию для того, чтобы наказать жестокое царство Чу, стать гегемоном в Поднебесной и устроить удельных князей, если вы не назначите Суньцзы главнокомандующим, кто сможет перейти Хуай, пересечь Сы и пройти тысячу ли чтобы вступить в сражение?" Тогда правитель У воодушевился. Он приказал бить в барабаны, чтобы собрать штаб армии, созвал войска и напал на Чу. Суньцзы взял Шу, убив двух полководцев-перебежчиков: Кай Юя и Чжу Юна."

В биографии, содержащейся в "Ши цзи", дальше говорится, что "на западе он одержал победу над могущественным царством Чу и дошел до Ин. На севере устроил Ци и Цзинь, и его имя стало знаменитым среди удельных князей. Это произошло благодаря силе Суньцзы." Некоторые военные историки связывают его имя с последовавшими после 511 г. до н.э. – годом первой встречи Суньцзы с Хэлюй-ваном – кампаниями против царства Чу, хотя он более ни разу не упоминался письменными источниками как главнокомандующий войска. По-видимому, Суньцзы осознал трудность жизни в постоянно меняющихся, нестабильных политических условиях того времени и проживал в удалении от дел, оставив свой труд и дав тем самым пример последующим поколениям.

Биография в "Ши цзи" еще в одном принципиально отличается от содержащейся в "Вёснах и Осенях У и Юэ", ибо считает Суньцзы уроженцем царства Ци, а не У. Тогда его корни были бы в государстве, где наследие мысли Тай-гуна играло существенную роль, – государстве, изначально находившимся на периферии политического мира Древнего Чжоу, которое, тем не менее, было знаменито существующим там многообразием взглядов и богатством различных теорий. Поскольку в "Искусстве войны" ясно проглядывают следы даосских концепций и этот трактат является весьма изощренным в философском плане, Суньцзы вполне мог быть родом из Ци.

Основные концепции "Искусства войны"

"Искусство войны" Суньцзы, донесенное через века до наших дней, состоит из тринадцати глав различного объема – каждая из которых, очевидно, посвящена конкретной теме. Хотя многие современные китайские военные специалисты продолжают считать работу органическим целым, отмеченным внутренней логикой и развитием сюжетов от начала к концу, родство между предположительно связанными пассажами часто трудно установить, или же таковое просто не существует. Тем не менее, основные концепции получают повсеместную и логически выверенную обработку, что говорит в пользу приписывания книги одному человеку, или же духовно единой школе.

Военные трактаты, найденные в могиле Линь ханьской династии включают в себя вариант "Искусства войны", в основном в традиционной форме, дополненный таким весьма важным материалом, как "Вопросы правителя У". Перевод, предлагаемый ниже, основывается на тщательно откомментированной классической версии, ибо она отражает понимание текста и взгляды на него на протяжении последнего тысячелетия, равно как и те убеждения, на которых правители и военные основывали свои действия в реальной жизни. Традиционный текст был изменен только в тех случаях, когда материалы, найденные в захоронениях, прояснили прежде непонятные пассажи, хотя влияние таких изменений на содержание в целом остается минимальным.

Поскольку "Искусство войны" – исключительно понятный текст, разве что сжатый и иногда загадочный, требуется лишь краткое введение к основным темам.

* * *

В то время, когда было создано "Искусство войны", военные действия уже превратились в угрозу существования практически всех государств. Поэтому Суньцзы понимал, что мобилизация народа для войны и введение в действие армии должны осуществляться со всей серьезностью. Его целостный подход к ведению войны глубоко аналитичен, требует тщательной подготовки и формулирования общей стратегии перед началом кампании. Целью всей фундаментальной стратегии должно стать создание условий для того, чтобы население процветало и было довольным, дабы его желание подчиняться правителю не могло быть даже поставлено под сомнение.

Далее, необходимы дипломатические инициативы, хотя военной подготовкой пренебрегать нельзя. Первичной целью должно стать подчинение других государств без вступления в военный конфликт, то есть – идеал полной победы. Всякий раз, когда возможно, следует достигать этого дипломатическим принуждением, разрушением планов и союзов противника, а также срывом его стратегии. Правительство должно прибегать к военному конфликту, только если враг угрожает государству военным нападением или отказывается уступить, не будучи принужден к подчинению силой. Даже при таком выборе, целью любой военной кампании должно стать достижение максимальных результатов с минимальным риском и потерями, уменьшение, насколько это возможно, принесенного ущерба и бедствий.

Повсеместно в "Искусстве войны" Суньцзы подчеркивает необходимость самоконтроля, настаивая на избегании столкновений, без глубокого анализа ситуации и собственных возможностей. Недопустимы спешка и страх или трусость, а также гнев и ненависть, при принятии решений в государстве и при командовании. Армия никогда не должна необдуманно вступать в бой, подталкиваться к войне или собираться без необходимости. Вместо этого

необходимо проявлять сдержанность, хотя следует использовать все способы, дабы обеспечить непобедимость армии. Кроме того, нужно избегать некоторых тактических ситуаций и типов местности, а при случае поступать так, чтобы они стали преимуществами. Затем, особое внимание следует уделить реализации предопределенной стратегии кампании и применению соответствующей тактики, чтобы победить противника.

В основе концепции Суньцзы лежит управление врагом, создающее возможности легкой победы. Ради этого он составляет классификацию типов местности и их использования; выдвигает различные способы распознавания, управления и ослабления врага; концептуализирует тактическую ситуацию в терминах многочисленных взаимоопределяющих элементов; выступает за использование как общепринятых (чжэн), так и странных (ци) войск для достижения победы. Врага заманивают в ловушки выгодой, его лишают храбрости, ослабляя и изматывая перед атакой; проникают в его ряды войсками, неожиданно собранными в самых уязвимых его местах. Армия должна всегда вести себя активно, даже занимая оборону, чтобы создать и использовать момент тактического преимущества, который обеспечит победу. Избегание столкновения с большими силами свидетельствует не о трусости, а о мудрости, ибо принесение себя в жертву никогда и нигде не является преимуществом.

Основной принцип следующий: "Идти вперед туда, где не ждут; атаковать там, где не подготовились." Этот принцип может быть реализован только благодаря секретности всех действий, полному самоконтролю и железной дисциплине в армии, и также "непостижимости". Война – это путь обмана, постоянной организации ложных выпадов, распространения дезинформации, использования уловок и хитростей. Когда такой обман хитроумно задуман и эффективно применен, противник не будет знать, где атаковать, какие силы использовать и, таким образом, будет обречен на фатальные ошибки.

Чтобы быть неизвестным для противника, следует всеми возможными способами искать и добывать сведения о нем, в том числе активно задействовать шпионов. Фундаментальный принцип состоит в том, чтобы никогда не полагаться на добрую волю других или на случайные обстоятельства, но с помощью знаний, активного изучения и оборонительной подготовки обеспечить невозможность внезапной атаки противника или добиться победы простым принуждением.

На протяжении всей книги Суньцзы обсуждает важнейшую проблему командования: создание четкой организации, контролирующей дисциплинированные, послушные войска. Существенным элементом предстает дух, известный как ци – важнейшая жизненная энергия. Этот компонент связан с волей и побуждением; когда люди хорошо обучены, соответственным образом накормлены, одеты и экипированы, если их дух воспламенен, они будут яростно сражаться. Однако, если физическое состояние или материальные условия притупили их дух; если в отношениях между командирами и подчиненными крен; если по какой-либо причине люди утратили стимулы; армия будет разбита. Наоборот, командующий должен управлять ситуацией так, чтобы избегать врага, когда он силен духом – как, например, в начале дня – и использовать любую возможность, когда это состояние ослабевает и войска не желают сражаться, как, например, при возвращении в лагерь. Затянувшаяся война может привести только к истощению сил; поэтому, точные расчеты – это необходимое условие гарантированности быстрой реализации стратегии всей кампании. Определенные ситуации, как, например, смертельная местность, где предстоит отчаянная схватка, требуют от армии величайших усилий. Других – ослабляющих и опасных – следует избегать. Награды и наказания создают основу для контроля за состоянием войск, но необходимо прилагать все усилия для поощрения желания сражаться и самоотдачи. Поэтому, все вредные влияния, как то предзнаменования и слухи, должны быть устранены.

Наконец, Суньцзы искал возможности маневрирования армией и занятия ею такой позиции, где бы ее тактическое преимущество было столь значительно, что воздействие ее атаки, импульс ее "стратегической мощи" [ши] был бы подобен потоку воды, вдруг обрушившегося вниз с вершины горы. Развертывание войск в удобные построения [син]; создание желаемого "неравновесия сил" [цюань]; сжатие сил на данном направлении; использование преимуществ местности; стимулирование духовного состояния людей – все должно быть направлено к этой решающей цели.

Переводчик

Глава I[1].

Предварительные расчеты[2]

1.

Сунь-цзы сказал: война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять.

2.

Поэтому в ее основу кладут[3] пять явлений [ее взвешивают семью расчетами и этим определяют положение] [4].

3.

Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон.

Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя[5], когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений[6].

Небо – это свет и мрак, холод и жар, это порядок времени[7].

Земля – это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь[8]. Полководец – это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость. Закон – это воинский строй, командование и снабжение[9]. Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти явлениях, но побеждает тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает.

4.

Поэтому войну взвешивают семью расчетами и таким путем определяют положение.

Кто из государей обладает Путем? У кого из полководцев есть таланты? Кто использовал Небо и Землю? У кого выполняются правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены?[10] У кого правильно награждают и наказывают?

По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

5.

Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я уйду от него[11]. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за пределами их.

6.

Мощь – это умение применять тактику[12], сообразуясь с выгодой.

7.

Война – это путь обмана[13]. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает.

8.

Все это обеспечивает вождю победу; однако наперед преподать ничего нельзя.

9.

Кто – еще до сражения – побеждает предварительным расчетом[14], у того шансов много; кто – еще до сражения – не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня – при виде этого одного – уже ясны победа и поражение.

Глава II.

Ведение войны

1.

Сунь-цзы сказал: правило ведения войны таково:

2.

Если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых[15], сто тысяч солдат, если провиант надо отправлять за тысячу миль[16], то расходы внутренние и внешние, издержки на прием гостей, материал для лака и клея, снаряжение колесниц и вооружения – все это составит тысячу золотых в день. Только в таком случае можно поднять стотысячное войско.

3.

Если ведут войну, и победа затягивается, – оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость, – силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле, – средств у государства не хватает.

4.

Когда же оружие притупится и острия обломаются, силы подорвутся и средства иссякнут, князья[17], воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя. Пусть тогда у тебя и будут умные слуги, после этого ничего поделать не сможешь.

5.

Поэтому на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискренности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искренности ее ведения.

6.

Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству. Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны.

7.

Тот, кто умеет вести войну, два раза набора не производит, три раза провианта не грузит; снаряжение берет из своего государства, провиант же берет у противника. Поэтому у него и хватает пищи для солдат.

8.

Во время войны государство беднеет оттого, что возят далеко провиант. Когда провиант нужно возить далеко, народ беднеет.

9.

Те, кто находятся поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются; когда же средства истощаются, выполнять повинности трудно.

10.

Силы подрываются, средства иссякают, у себя в стране – в домах пусто[18]; имущество народа уменьшается на семь десятых; имущество правителя – боевые колесницы поломаны, кони изнурены; шлемы, панцири, луки и стрелы, рогатины и малые щиты, пики и большие щиты, волы и повозки – все это уменьшается на шесть десятых[19].

11.

Поэтому умный полководец старается кормиться за счет противника. При этом один фунт пищи противника соответствует двадцати фунтам своей; один пуд отрубей и соломы противника соответствует двадцати пудам своей[20].

12.

Убивает противника ярость, захватывает его богатства жадность.

13.

Если при сражении на колесницах захватят десять и более колесниц, раздай их в награду тем, кто первый их захватил, и перемени на них знамена. Перемешай эти колесницы со своими и поезжай на них. С солдатами же обращайся хорошо и заботься о них. Это и называется: победить противника и увеличить свою силу[21].

14.

Война любит победу и не любит продолжительности.

15.

Поэтому полководец, понимающий войну, есть властитель судеб народа, есть хозяин безопасности государства.

Глава III.

Стратегическое нападение

1.

Сунь-цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить бригаду противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить батальон противника в целости, на втором месте – разбить его. Наилучшее – сохранить роту противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить взвод противника в целости, на втором месте – разбить его[22]. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь.

2.

Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости. По правилам осады крепостей такая осада должна производиться лишь тогда, когда это неизбежно. Подготовка больших щитов, осадных колесниц, возведение насыпей, заготовка снаряжения требует три месяца; однако полководец, не будучи в состоянии преодолеть свое нетерпение, посылает своих солдат на приступ, словно муравьев; при этом одна треть офицеров и солдат[23] оказывается убитыми, а крепость остается не взятой. Таковы губительные последствия осады.

3.

Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целости и этим оспаривает власть в Поднебесной. Поэтому и можно не притупляя оружие иметь выгоду: это и есть правило стратегического нападения[24].

4.

Правило ведения войны гласит: если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон; если у тебя сил в пять раз больше, нападай на него; если у тебя сил вдвое больше, раздели его на части; если же силы равны, сумей с ним сразиться; если сил меньше, сумей оборониться от него; если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него. Поэтому упорствующие с малыми силами делаются пленниками сильного противника.

5.

Полководец для государства все равно, что крепление[25] у повозки: если это крепление пригнано плотно, государство непременно бывает сильным; если крепление разошлось, государство непременно бывает слабым.

6.

Поэтому армия страдает от своего государя в трех случаях[26]:

Когда он, не зная, что армия не должна выступать, приказывает ей выступить; когда он, не зная, что армия не должна отступать, приказывает ей отступить; это означает, что он связывает армию.

Когда он, не зная, что такое армия, распространяет на управление ею те же самые начала, которыми управляется государство; тогда командиры в армии приходят в растерянность[27].

Когда он, не зная, что такое тактика армии, руководствуется при назначении полководца теми же началами, что и в государстве; тогда командиры в армии приходят в смятение[28].

7.

Когда же армия приходит в растерянность и смятение, настигает беда от князей. Это и означает: расстроить свою армию и отдать победу противнику.

8.

Поэтому знают, что победят в пяти случаях: побеждают, если знают, когда можно сражаться и когда нельзя; побеждают, когда умеют пользоваться и большими и малыми силами; побеждают там, где высшие и низшие имеют одни и те же желания; побеждают тогда, когда сами осторожны и выжидают неосторожности противника; побеждают те, у кого полководец талантлив, а государь не руководит им. Эти пять положений и есть путь знания победы.

9.

Поэтому и говорится: если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение.

Глава IV.

Форма

1.

Сунь-цзы сказал: в древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего делал себя непобедимым и в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника.

Непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике.

Поэтому тот, кто хорошо сражается, может сделать себя непобедимым, но не может заставить противника обязательно дать себя победить.

Поэтому и сказано: "Победу знать можно, сделать же ее нельзя".

2.

Непобедимость есть оборона; возможность победить есть наступление.

Когда обороняются, значит есть в чем-то недостаток; когда нападают, значит есть все в избытке.

Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубины преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес[29].

Поэтому умеют себя сохранить и в то же время одерживают полную победу.

3.

Тот, кто видит победу не более чем прочие люди, не лучший из лучших. Когда кто-либо, сражаясь, одержит победу и в Поднебесной скажут: "хорошо", это не будет лучший из лучших.

4.

Когда поднимают легкое перышко[30], это не считается большой силой; когда видят солнце и луну, это не считается острым зрением; когда слышат раскаты грома, это не считается тонким слухом.

Про кого в древности говорили, что он хорошо сражается, тот побеждал, когда было легко победить. Поэтому, когда хорошо сражавшийся побеждал, у него не оказывалось ни славы ума, ни подвигов мужества.

5.

Поэтому, когда он сражался и побеждал, это не расходилось с его расчетами. Не расходилось с его расчетами – это значит, что все предпринятое им обязательно давало победу; он побеждал уже побежденного.

6.

Поэтому. тот, кто хорошо сражается, стоит на почве невозможности своего поражения и не упускает возможности поражения противника. По этой причине войско, долженствующее победить, сначала побеждает, а потом ищет сражения; войско, осужденное на поражение, сначала сражается, а потом ищет победы.

7.

Тот, кто хорошо ведет войну, осуществляет Путь и соблюдает Закон. Поэтому он и может управлять победой и поражением.

8.

Согласно "Законам войны", первое – длина, второе – объем, третье – число, четвертое – вес, пятое – победа. Местность рождает длину, длина рождает объем, объем рождает число, число рождает вес, вес рождает победу.

9.

Поэтому войско, долженствующее победить, как бы исчисляет копейки рублями, а войско, обреченное на поражение, как бы исчисляет рубли копейками[31].

10.

Когда побеждающий сражается, это подобно скопившейся воде, с высоты тысячи саженей низвергающейся в долину. Это и есть форма[32].

Глава V.

Мощь

1.

Сунь-цзы сказал: управлять массами все равно, что управлять немногими: дело в частях и в числе[33].

2.

Вести в бой массы все равно, что вести в бой немногих: дело в форме и названии[34].

3.

То, что делает армию при встрече с противником непобедимой, это правильный бой и маневр.

4.

Удар войска подобен тому, как если бы ударили камнем по яйцу: это есть полнота и пустота.

5.

Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром. Поэтому тот, кто хорошо пускает в ход маневр, безграничен подобно небу и земле, неисчерпаем подобно Хуан-хэ и Янцзы-цзяну.

6.

Кончаются и снова начинаются – таковы солнце и луна; умирают и снова нарождаются – таковы времена года. Тонов не более пяти, но изменений этих пяти тонов всех и слышать невозможно; цветов не более пяти, но изменений этих пяти цветов всех и видеть невозможно; вкусов не более пяти, но изменений этих пяти вкусов всех и ощутить невозможно. Действий в сражении всего только два – правильный бой и маневр, но изменений в правильном бое к маневру всех и исчислить невозможно. Правильный бой и маневр взаимно порождают друг

друга и это подобно круговращению, у которого нет конца. Кто может их исчерпать?

7.

То, что позволяет быстроте бурного потока нести на себе камни, есть ее мощь. То, что позволяет быстроте хищной птицы поразить свою жертву, есть расчитанность удара. Поэтому у того, кто хорошо сражается, мощь – стремительна[35], расчитанность коротка.

Мощь – это как бы натягивание лука, расчитанность удара – это как бы спуск стрелы.

8.

Пусть все смешается и перемешается, и идет беспорядочная схватка, все равно прийти в расстройство не могут; пусть все клокочет и бурлит, и форма смята[36], все равно потерпеть поражение не могут.

9.

Беспорядок рождается из порядка, трусость рождается из храбрости, слабость рождается из силы. Порядок и беспорядок – это число; храбрость и трусость – это мощь; сила и слабость – это форма.

10.

Поэтому, когда тот, кто умеет заставить противника двигаться, показывает ему форму, противник обязательно идет за ним; когда противнику что-либо дают, он обязательно берет; выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью.

11.

Поэтому тот, кто хорошо сражается, ищет все в мощи, а не требует всего от людей. Поэтому он умеет выбирать людей и ставить их соответственно их мощи.

12.

Тот, кто ставит людей соответственно их мощи, заставляет их идти в бой так же, как катят деревья и камни. Природа деревьев и камней такова, что когда место ровное, они лежат спокойно; когда оно покатое, они приходят в движение; когда они четырехугольны, они лежат на месте; когда они круглы, они катятся.

13.

Поэтому мощь того, кто умеет заставить других идти в бой, есть мощь человека, скатывающего круглый камень с горы в тысячу сажень.

Глава VI.

Полнота и пустота

1.

Сунь-цзы сказал: кто является на поле сражения первым и ждет противника, тот исполнен сил; кто потом является на поле сражения с запозданием и бросается в бой, тот уже утомлен. Поэтому тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой.

2.

Уметь заставить противника самого прийти – это значит заманить его выгодой; уметь не дать противнику пройти – это значит сдержать его вредом. Поэтому можно утомить противника даже исполненного сил; можно заставить голодать даже сытого; можно сдвинуть с места даже прочно засевшего.

3.

Выступив туда, куда он непременно направится, самому направиться туда, где он не ожидает. Тот, кто проходит тысячу миль и при этом не утомляется, проходит местами, где нет людей.

4.

Напасть и при этом наверняка взять – это значит напасть на место, где он не обороняется; оборонять и при этом наверняка удержать – это значит оборонять место, на которое он не может напасть. Поэтому у того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать. Тончайшее искусство! Тончайшее искусство! – нет даже формы, чтобы его изобразить. Божественное искусство! Божественное искусство! – нет даже слов, чтобы его выразить. Поэтому он и может стать властителем судеб противника.

5.

Когда идут вперед, и противник не в силах воспрепятствовать – это значит, что ударяют в его пустоту; когда отступают и противник не в силах преследовать – это значит, что быстрота такова, что он не может настигнуть[37].

6.

Поэтому, если я хочу дать бой, пусть противник и понастроит высокие редуты, нароем глубокие рвы, все равно он не сможет не вступить со мною в бой. Это потому, что я нападаю на место, которое он непременно должен спасать. Если я не хочу вступать в бой, пусть я только займу место и стану его оборонять, все равно противник не сможет вступить со мной в бой. Это потому, что я отвращаю его от того пути, куда он идет.

7.

Поэтому, если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы не буду иметь, я сохраню цельность, а противник разделится на части. Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на части, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятью нападу на его единицу. Нас тогда будет много, а противника мало. У того, кто умеет массой ударить на немногих, таких, кто с ним сражается, мало, и их легко победить[38].

8.

Противник не знает, где он будет сражаться. А раз он этого не знает, у него много мест, где он должен быть наготове. Если же таких мест, где он должен быть наготове, много, тех, кто со мной сражается, мало. Поэтому, если он будет наготове спереди, у него будет мало сил сзади; если он будет наготове сзади, у него будет мало сил спереди; если он будет наготове слева, у него будет мало сил справа; если он будет наготове справа, у него будет мало сил слева. Не может не быть мало сил у того, у кого нет места, где он не должен быть наготове. Мало сил у того, кто должен быть всюду наготове; много сил у того, кто вынуждает другого быть всюду наготове.

9.

Поэтому, если знаешь место боя и день боя, можешь наступать и за тысячу миль. Если же не знаешь места боя, не знаешь и дня боя, не сможешь левой стороной защитить правую, не сможешь правой стороной защитить левую, не сможешь передней стороной защитить заднюю, не сможешь задней стороной защитить переднюю. Тем более это так при большом расстоянии – в несколько десятков миль, и при близком расстоянии – в несколько миль.

10.

Если рассуждать так, как я, то пусть у юэсцев[39] войск и много, что это может им дать для победы[40]? Поэтому и сказано: «победу сделать можно». Пусть войск у противника и будет много, можно не дать ему возможности вступить в бой.

11.

Поэтому, оценивая противника, узнают его план с его достоинствами и его ошибками[41]; воздействовав на противника, узнают законы, управляющие его движением и покоем; показывая ему ту или иную форму, узнают место его жизни и смерти[42]; столкнувшись с ним, узнают, где у него избыток и где недостаток.

12.

Поэтому предел в придании своему войску формы – это достигнуть того, чтобы формы не было. Когда формы нет, даже глубоко проникший лазутчик не сможет что-либо подглядеть, даже мудрый не сможет о чем-либо судить. Пользуясь этой формой, он возлагает дело победы на массу, но масса этого знать не может. Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но не знают той формы, посредством которой я организовал победу. Поэтому победа в бою не повторяется в том же виде, она соответствует неисчерпаемости самой формы.

13.

Форма у войска подобна воде: форма у воды – избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска – избегать полноты и ударять по пустоте. Вода устанавливает свое течение в зависимости от места; войско устанавливает свою победу в зависимости от противника.

14.

Поэтому у войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, тот называется божеством.

15.

Поэтому среди пяти элементов природы нет неизменно побеждающего; среди четырех времен года нет неизменно сохраняющего свое положение. У солнца есть краткость и продолжительность, у луны есть жизнь и смерть.

Глава VII.

Борьба на войне

1.

Сунь-цзы сказал: вот правило ведения войны: полководец, получив повеление от государя, формирует армию, собирает войска[43] и, войдя в соприкосновение с противником[44], занимает позицию. Нет ничего труднее, чем борьба на войне.

2.

Трудное в борьбе на войне – это превратить путь обходный в прямой, превратить бедствие в выгоду. Поэтому тот, кто, предпринимая движение по такому обходному пути, отвлекает противника выгодой и, выступив позже него, приходит раньше него, тот понимает тактику обходного движения.

3.

Поэтому борьба на войне приводит к выгоде, борьба на войне приводит и к опасности. Если бороться за выгоду, подняв всю армию, цели не достигнуть; если бороться за выгоду, бросив армию, будет потерян обоз.

4.

Поэтому, когда борются за выгоду за сто миль, мчась, сняв вооружение, не отдыхая ни днем, ни ночью, удваивая маршруты и соединяя переходы, тогда теряют пленными командующих всеми тремя армиями; выносливые идут вперед, слабые отстают, и из всего войска доходит одна десятая. Когда борются за выгоду за пятьдесят миль, попадает в тяжелое положение командующий передовой армией, и из всего войска доходит половина. Когда борются за выгоду за тридцать миль, доходят две трети.

5.

Если у армии нет обоза, она гибнет; если нет провианта, она гибнет; если нет запасов[45], она гибнет.

6.

Поэтому кто не знает замыслов князей, тот не может наперед заключать с ними союз; кто не знает обстановки – гор, лесов, круч, обрывов, топей и болот, тот не может вести войско; кто не обращается к местным проводникам,

тот не может воспользоваться выгодами местности.

7.

Поэтому в войне устанавливаются на обмане, действуют, руководствуясь выгодой, производят изменения путем разделений и соединений.

8.

Поэтому он стремителен, как ветер; он спокоен и медлителен, как лес; он вторгается и опустошает, как огонь; он неподвижен, как гора; он непроницаем, как мрак; его движение, как удар грома[46].

9.

При грабеже селений разделяют свое войско на части; при захвате земель занимают своими частями выгодные пункты[47].

10.

Двигаются, взвесив все на весах. Кто заранее знает тактику прямого и обходного пути, тот побеждает. Это и есть закон борьбы на войне.

11.

В "Управлении армией" сказано: "Когда говорят, друг друга не слышат; поэтому и изготовляют гонги и барабаны. Когда смотрят, друг друга не видят; поэтому и изготовляют знамена и значки". Гонги, барабаны, знамена и значки соединяют воедино глаза и уши своих солдат. Если все сосредоточены на одном, храбрый не может один выступить вперед, трусливый не может один отойти назад. Это и есть закон руководства массой.

12.

Поэтому в ночном бою применяют много огней и барабанов[48], в дневном бою применяют много знамен и значков; этим вводят в заблуждение глаза и уши противника. Поэтому у армии можно отнять ее дух, у полководца можно отнять его сердце.

13.

По этой причине по утрам духом бодры, днем вялы, вечером помышляют о возвращении домой. Поэтому тот, кто умеет вести войну, избегает противника, когда его дух бодр, и ударяет на него, когда его дух вял, или когда он помышляет о возвращении; это и есть управление духом.

14.

Находясь в порядке, ждут беспорядка; находясь в спокойствии, ждут волнений; это и есть управление сердцем.

15.

Находясь близко, ждут далеких; пребывая в полной силе, ждут утомленных; будучи сытыми, ждут голодных; это и есть управление силой.

16.

Не идти против знамен противника, когда они в полном порядке; не нападать на стан противника, когда он неприступен; это и есть управление изменениями.

17.

Поэтому, правила ведения войны таковы: если противник находится на высотах, не идти прямо на него[49]; если за ним возвышенность, не располагайся против него; если он притворно убегает, не преследуй его; если он полон сил, не нападай на него; если он подает тебе приманку, не иди на нее; если войско противника идет домой, не

останавливай его; если окружаешь войско противника, оставь открытой одну сторону; если он находится в безвыходном положении, не нажимай на него; это и есть правила ведения войны.

Глава VIII.

Девять изменений

1.

Сунь-цзы сказал: вот правила ведения войны: [полководец, получив повеление от своего государя, формирует армию и собирает войска][50].

2.

В местности бездорожья лагерь не разбивай; в местности-перекрестке заключай союзы с соседними князьями; в местности голой и безводной не задерживайся; в местности окружения соображай; в местности смерти сражайся.

3.

Бывают дороги, по которым не идут; бывают армии, на которые не нападают; бывают крепости, из-за которых не борются; бывают местности, из-за которых не сражаются; бывают повеления государя, которых не выполняют.

4.

Поэтому полководец, постигший, что есть выгодного в "Девяти изменениях", знает, как вести войну. Полководец, не постигший, что есть выгодного в "Девяти изменениях", не может овладеть выгодами местности, даже зная форму местности. Когда при управлении войсками он не знает искусства "Девяти изменений", он не может владеть умением пользоваться людьми, даже зная "Пять выгод".

5.

По этой причине обдуманность действий умного человека заключается в том, что он обязательно соединяет выгоду и вред[51]. Когда с выгодой соединяют вред, усилия могут привести к результату[52]; когда с вредом соединяют выгоду, бедствие может быть устранено. Поэтому князей подчиняют себе вредом, заставляют служить себе делом, заставляют устремляться куда-нибудь выгодой[53].

6.

Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него.

7.

Поэтому у полководца есть пять опасностей: если он будет стремиться во что бы то ни стало умереть, он может быть убитым; если он будет стремиться во что бы то ни стало остаться в живых, он может попасть в плен; если он будет скор на гнев, его могут презирать; если он будет излишне щепетилен к себе, его могут оскорбить; если он будет любить людей, его могут обессилить[54].

8.

Эти пять опасностей – недостатки полководца, бедствие в ведении войны. Разбивают армию, убивают полководца непременно этими пятью опасностями. Надлежит понять это.

Глава IX.

Поход

1.

Сунь-цзы сказал: расположение войск и наблюдение за противником состоит в следующем.

2.

При переходе через горы опирайся на долину; располагайся на высотах, смотря, где солнечная сторона[55]. При бое с противником, находящимся на возвышенности, не иди прямо вверх[56]. Таково расположение войска в горах.

3.

При переходе через реку располагайся непременно подальше от реки[57]. Если противник станет переходить реку, не встречай его в воде. Вообще выгоднее дать ему переправиться наполовину и затем ударить на него; но если ты тоже хочешь вступить в бой с противником, не встречай его у самой реки; расположись на высоте, принимая в соображение, где солнечная сторона; против течения не становись. Таково расположение войск на реке.

4.

Переходя через болото[58], торопись скорее уйти, не задерживайся. Если все же тебе предстоит вступить в бой среди болот, располагайся так, чтобы у тебя была вода и трава, а в тылу у тебя пусть будет лес. Таково расположение войск в болотах.

5.

В равнинной местности располагайся на ровных местах, но при этом пусть справа и позади тебя будут возвышенности; впереди у тебя пусть будет низкое место, сзади высокое[59]. Таково расположение войск в равнине.

6.

Эти четыре способа выгодного расположения войск и обеспечили Хуан-ди победу над четырьмя императорами[60].

7.

Вообще, если войско будет любить высокие места и не любить низкие, будет чтить солнечный свет и отвращаться от тени; если оно будет заботиться о жизненном и располагаться на твердой почве[61], тогда в войске не будет болезней. Это и значит непременно победить.

8.

Если находишься среди холмов и возвышенностей, непременно располагайся на их солнечной стороне и имей их справа и позади себя. Это выгодно для войска; это – помощь от местности.

9.

Если в верховьях реки прошли дожди и вода покрылась пеной, пусть тот, кто хочет переправиться, подождет, пока река успокоится.

10.

Вообще, если в данной местности есть отвесные ущелья, природные колодцы, природные темницы, природные сети, природные капканы, природные трещины[62], непременно поспеши уйти от них и не подходи к ним близко. Сам удались от них, а противника заставь приблизиться к ним. А когда встретишься с ним, сделай так, чтобы они были у него в тылу.

11.

Если в районе движения армии окажутся овраги, топи, заросли, леса, чащи кустарника, непременно внимательно обследуй их. Это – места, где бывают засады и дозоры противника.

12.

Если противник, находясь близко от меня, пребывает в спокойствии, это значит, что он опирается на естественную преграду. Если противник далеко от меня, но при этом вызывает меня на бой, это значит, что он хочет, чтобы я продвинулся вперед. Если противник расположился на ровном месте, значит, у него есть свои выгоды.

13.

Если деревья задвигались, значит, он подходит. Если устроены заграждения из трав, значит, он старается ввести в заблуждение. Если птицы взлетают, значит, там спрятана засада. Если звери испугались, значит, там кто-то скрывается. Если пыль поднимается столбом, значит, идут колесницы; если она стелется низко на широком пространстве, значит, идет пехота; если она поднимается в разных местах, значит, собирают топливо. Если она поднимается то там, то сям, и притом в небольшом количестве, значит, устраивают лагерь.

14.

Если речи противника смиренны, а боевые приготовления он усиливает, значит, он выступает. Если его речи горделивы и он сам спешит вперед, значит, он отступает. Если легкие боевые колесницы выезжают вперед, а войско располагается по сторонам их, значит, противник строится в боевой порядок. Если он, не будучи ослаблен[63], просит мира, значит, у него есть тайные замыслы. Если солдаты у него забегали и выстраивают колесницы, значит, пришло время. Если он то наступает, то отступает, значит, он заманивает. Если солдаты стоят, опираясь на оружие, значит, они голодны. Если они, черпая воду, сначала пьют, значит, они страдают от жажды. Если противник видит выгоду для себя, но не выступает, значит, он устал.

15.

Если птицы собираются стаями, значит, там никого нет. Если у противника ночью перекликаются, значит, там боятся. Если войско дезорганизовано, значит, полководец не авторитетен. Если знамена переходят с места на место, значит, у него беспорядок. Если его командиры бранятся, значит, солдаты устали. Если коней кормят пшеном, а сами едят мясо; если кувшины для вина не развешивают на деревьях и не идут обратно в лагерь, значит, они – доведенные до крайности разбойники[64].

16.

Если полководец разговаривает с солдатами ласково и учтиво, значит, он потерял свое войско. Если он без счета раздает награды, значит, войско в трудном положении. Если он бесцельно прибегает к наказанию, значит, войско в тяжелом положении. Если он сначала жесток а потом боится своего войска, это означает верх непонимания военного искусства.

17.

Если противник является, предлагает заложников и просит прощения, значит, он хочет передышки. Если его войско, пылая гневом, выходит навстречу, но в течение долгого времени не вступает в бой и не отходит, непременно внимательно следи за ним.

18.

Дело не в том, чтобы все более и более увеличивать число солдат. Нельзя идти вперед с одной только воинской силой. Достаточно иметь ее столько, сколько нужно для того, чтобы справиться с противником[65] путем сосредоточения своих сил и правильной оценки противника. Кто не будет рассуждать и будет относиться к противнику пренебрежительно, тот непременно станет его пленником.

19.

Если солдаты еще не расположены к тебе, а ты станешь их наказывать, они не будут тебе подчиняться; а если они не станут подчиняться, ими трудно будет пользоваться. Если солдаты уже расположены к тебе, а наказания производиться не будут, ими совсем нельзя будет пользоваться.

20.

Поэтому, приказывая им, действуй при помощи гражданского начала; заставляя, чтобы они повиновались тебе все, как один, действуй при помощи воинского начала.

21.

Когда законы вообще исполняются, в этом случае, если преподаешь что-нибудь народу, народ тебе повинуется. Когда законы вообще не выполняются, в этом случае, если преподаешь что-либо народу, народ тебе не повинуется. Когда законы вообще принимаются с доверием и ясны, значит, ты и масса взаимно обрели друг друга.

Глава X.

Формы местности

1.

Сунь-цзы сказал: местность по форме бывает открытая, бывает наклонная[66], бывает пересеченная, бывает долинная, бывает гористая, бывает отдаленная.

2.

Когда и я могу идти, и он может прийти, такая местность называется открытой. В открытой местности прежде всего расположись на возвышении, на ее солнечной стороне, и обеспечь себе пути подвоза провианта. Если при таких условиях поведешь бой, будешь иметь выгоду.

3.

Когда идти легко, а возвращаться трудно, такая местность называется наклонной. В наклонной местности, если противник не готов к бою, выступив, победишь его; если же противник готов к бою, выступив, не победишь его. Обращаться же назад будет трудно: выгоды не будет.

4.

Когда и мне выступать невыгодно и ему выступать невыгодно, такая местность называется пересеченной. В пересеченной местности не выступай, даже если бы противник и предоставил тебе выгоду. Отведи войска и уйди; заставь противника продвинуться сюда наполовину; и если тогда ударишь на него, это будет для тебя выгодно.

5.

В долинной местности, если ты первым расположишься на ней, обязательно займи ее всю и так жди противника; если же он первым расположится на ней и займет ее, не следуй за ним. Следуй за ним, если он не займет ее всю.

6.

В гористой местности, если ты первым расположился в ней, обязательно располагайся на высоте, на солнечной стороне ее, и так жди противника; если же противник первым расположится в ней, отведи войска и уйди оттуда; не следуй за ним.

7.

В отдаленной местности, если силы равны, трудно вызывать противника на бой, а если и начнешь бой, выгоды не будет.

Эти шесть пунктов составляют учение о местности. Высшая обязанность полководца состоит в том, что ему это нужно понять.

8.

Поэтому бывает, что войско поспешно отступает, что оно становится распушенным, что оно попадает в руки противника, что оно разваливается, что оно приходит в беспорядок, что оно обращается в бегство. Эти шесть бедствий – не от природы, а от ошибок полководца.

9.

Когда при наличии одинаковых условий нападают с одним на десятерых это значит, что войско поспешно отступит. Когда солдаты сильны, а командиры слабы, это значит, что в войске распушенность. Когда командиры сильны, а солдаты слабы, это значит, что войско попадет в руки противника. Когда высшие командиры, в гневе на своего начальника не подчиняются ему и, встречаясь с противником, по злобе на своего начальника, самовольно завязывают бой, это объясняется тем, что полководец не знает их способностей. Это значит, что в войске развал. Когда полководец слаб и не строг, когда обучение солдат отличается неопределенностью, когда у командиров и солдат нет ничего постоянного, когда при построении в боевой порядок все идет кривь и вкось, это значит, что в войске беспорядок. Когда полководец не умеет оценить противника, когда он, будучи слаб, нападает на сильного, когда у него в войске нет отборных частей, это значит, что войско обратится в бегство. Эти шесть пунктов составляют учение о поражении противника. Высшая обязанность полководца состоит в том, что ему это нужно понять.

10.

Условия местности – только помощь для войска. Наука верховного полководца[67] состоит в умении оценить противника, организовать победу, учесть характер местности и расстояние. Кто ведет бой, зная это, тот непременно побеждает; кто ведет бой, не знал этого, тот непременно терпит поражение.

11.

Поэтому, если согласно науке о войне выходит, что непременно победишь, непременно сражайся хотя бы государь и говорил тебе: "не сражайся". Если согласно науке о войне выходит, что не победишь, не сражайся, хотя бы государь и говорил тебе: "непременно сражайся".

12.

Поэтому такой полководец, который, выступая, не ищет славы, а, отступая, не уклоняется от наказания, который думает только о благе народа и о пользе государя, такой полководец – сокровище для государства.

13.

Если будешь смотреть на солдат как на детей, сможешь отправиться с ними в самое глубокое ущелье; если будешь смотреть на солдат как на любимых сыновей, сможешь идти с ними хоть на смерть. Но если будешь добр к ним, но не сможешь ими распоряжаться; если будешь любить их, но не сумеешь им приказывать; если у них возникнут беспорядки, а ты не сумеешь установить порядок, это значит, что они у тебя – непослушные дети, и пользоваться ими будет невозможно.

14.

Если будешь видеть, что с твоими солдатами напасть на противника можно, но не будешь видеть, что на противника нападать нельзя, победа будет обеспечена тебе только наполовину. Если будешь видеть, что на противника напасть можно, но не будешь видеть, что с твоими солдатами нападать на него нельзя, победа будет обеспечена тебе только наполовину. Если будешь видеть, что на противника напасть можно, будешь видеть, что с твоими солдатами напасть на него можно, но не будешь видеть, что по условиям местности нападать на него нельзя, победа будет обеспечена тебе только наполовину.

15.

Поэтому тот, кто знает войну, двинувшись – не ошибется, поднявшись – не попадет в беду.

16.

Поэтому и сказано: если знаешь его и знаешь себя, победа недалека; если знаешь при этом еще Небо и знаешь Землю, победа обеспечена полностью.

Глава XI.

Девять местностей

1.

Сунь-цзы сказал: вот правила войны: есть местности рассеяния, местности неустойчивости, местности оспариваемые, местности смешения, местности-перекрестки, местности серьезного положения, местности бездорожья, местности окружения, местности смерти.

2.

Когда князья сражаются на собственной земле, это будет местность рассеяния; когда заходят в чужую землю, но не углубляются в нее, это будет местность неустойчивости; когда я ее захвачу, и мне это будет выгодно, и когда он ее захватит, ему также будет выгодно, это будет местность оспариваемая; когда и я могу ею пройти, и он может ею пройти, это будет местность смешения; когда земля князя принадлежит всем трем и тот, кто первым дойдет до нее, овладеет всем в Поднебесной, это будет местность-перекресток; когда заходят глубоко на чужую землю и оставляют в тылу у себя много укрепленных городов, это будет местность серьезного положения; когда идут по горам и лесам, кручам и обрывам, топиям и болотам, вообще по трудно проходимым местам, это будет местность бездорожная; когда путь, по которому входят, узок, а путь, по которому уходят, окольный, когда он с малыми силами может напасть на мои большие силы, это будет местность окружения; когда бросаясь быстро в бой, уцелевает, а не бросаясь быстро в бой, погибают, это будет местность смерти.

3.

Поэтому в местности рассеяния не сражайся; в местности неустойчивости не останавливайся; в местности оспариваемой не наступай; в местности смешения не теряй связи; в местности-перекрестке заключай союзы; в местности серьезного положения грабь[68]; в местности бездорожья иди; в местности окружения сообщай; в местности смерти сражайся.

4.

Те, кто в древности хорошо вели войну, умели делать так, что у противника передовые и тыловые части не сообщались друг с другом, крупные и мелкие соединения не поддерживали друг друга, благородные и низкие не выручали друг друга, высшие и низшие не объединялись друг с другом; они умели делать так, что солдаты у него оказывались оторванными друг от друга и не были собраны вместе, а если войско и было соединено в одно целое, оно не было единым [Двигались, когда это соответствовало выгоде; если это не соответствовало выгоде, оставались на месте] [69].

5.

Осмелюсь спросить: а если противник явится в большом числе и полном порядке, как его встретить? Отвечаю: захвати первым то, что ему дорого. Если захватишь, он будет послушен тебе.

6.

В войне самое главное – быстрота: надо овладевать тем, до чего он успел дойти; идти по тому пути, о котором он и не помышляет; нападать там, где он не остерегается.

7.

Вообще правила ведения войны в качестве гостя заключаются в том, чтобы, зайдя глубоко в пределы противника, сосредоточить все свои мысли и силы на одном, и тогда хозяин не одолеет.

8.

Грабя тучные поля, имей в достатке продовольствие для своей армии; тщательно заботься о солдатах и не утомляй их; сплавивай их дух и соединяй их силы. Передвигая войска, действуй согласно своим расчетам и планам и думай так, чтобы никто не мог проникнуть в них.

9.

Бросай своих солдат в такое место, откуда нет выхода, и тогда они умрут, но не побегут. Если же они будут

готовы идти на смерть, как же не добиться победы) И воины и прочие люди в таком положении напрягают все свои силы. Когда солдаты подвергаются смертельной опасности, они ничего не боятся; когда у них нет выхода, они держатся крепко; когда они заходят в глубь неприятельской земли, их ничто не удерживает; когда ничего поделать нельзя, они дерутся.

10.

По этой причине солдаты без всяких внушений бывают бдительны, без всяких понуждений обретают энергию, без всяких уговоров дружны между собой, без всяких приказов доверяют своим начальникам.

11.

Если запретить всякие предсказания и удалить всякие сомнения, умы солдат до самой смерти никуда не отвлекутся.

12.

Когда солдаты говорят: "имущество нам более не нужно" – это не значит, что они не любят имущества. Когда они говорят: "жизнь нам более не нужна!" – это не значит, что они не любят жизни. Когда выходит боевой приказ, у офицеров и солдат, у тех, кто сидит, слезы льются на воротник, у тех, кто лежит, слезы текут по подбородку. Но когда люди поставлены в положение, из которого нет выхода, они храбры, как Чжуань Чжу и Цао Куй[70].

13.

Поэтому тот, кто хорошо ведет войну, подобен Шуайжань. Шуайжань – это чаншаньская змея. Когда ее ударяют по голове, она бьет хвостом, когда ее ударяют по хвосту, она бьет головой; когда ее ударяют посередине, она бьет и головой и хвостом.

14.

Осмелюсь спросить: а можно ли сделать войско подобным чаншаньской змее? Отвечаю: можно. Ведь жители царств У и Юе не любят друг друга. Но если они будут переправляться через реку в одной лодке и будут застигнуты бурей, они станут спасать друг друга, как правая рука левую.

15.

По этой причине, если даже связать коней[71] и врыть в землю колеса повозок, все равно на это еще полагаться нельзя. Вот когда солдаты в своей храбрости все как один, это и будет настоящее искусство управления войском.

16.

Когда сильные и слабые все одинаково обретают мужество, это действует закон местности[72]. Поэтому, когда искусный полководец как бы ведет свое войско за руку, ведет как будто это один человек, это значит, что создалось положение из которого нет выхода[73].

17.

Вот дело полководца: он должен сам быть всегда спокоен и этим непроницаем для других; он должен быть сам дисциплинирован и этим держать в порядке других. Он должен уметь вводить в заблуждение глаза и уши своих офицеров и солдат и не допускать, чтобы они что-либо знали. Он должен менять свои замыслы и изменять свои планы и не допускать, чтобы другие о них догадывались. Он должен менять свое местопребывания, выбирать себе окружные пути и не допускать, чтобы другие могли что-либо сообразить[74].

18.

Ведя войско, следует ставить его в такие условия, как если бы, забравшись на высоту, убрали лестницы. Ведя войско и зайдя с ним глубоко на землю князя, приступая к решительным действиям, надлежит сжечь корабли и разбить котлы; вести солдат так, как гонят стадо овец: их гонят туда, и они идут туда; их гонят сюда, и они идут

сюда; они не знают, куда идут. Собрал всю армию, нужно бросить ее в опасность; это и есть дело полководца.

19.

Изменения в девяти видах местности, выгоды сжатия и растяжения, законы человеческих чувств – все это нужно понять.

20.

Вообще согласно науке о ведении войны в качестве гостя следует: если заходят глубоко в землю противника, сосредоточиваются на одном; если заходят не глубоко, умы рассеиваются.

Когда уходят из своей страны и ведут войну, перейдя границу, это будет местность отрыва; когда пути открыты во все стороны, это будет местность-перекресток; когда заходят глубоко, это будет место серьезности положения; когда заходят не глубоко, это будет местность неустойчивости; когда сзади – неприступные места, а спереди – узкие теснины, это будет местность окружения; когда идти некуда, это будет местность смерти[75].

21.

По этой причине в местности рассеяния я стану приводить к единству устремления всех; в местности неустойчивости буду поддерживать связь между частями; в местность оспариваемую направлюсь после противника; в местности смещения буду внимателен к обороне; в местности-перекрестке стану укреплять связи; в местности серьезного положения установлю непрерывный подвоз продовольствия; в местности трудно проходимой буду продвигаться вперед по дороге; в местности окружения сам загрожу проход; в местности смерти внушу солдатам, что они в живых не останутся. Чувства солдат таковы, что, когда они окружены, они защищаются; когда ничего другого не остается, они бьются; когда положение очень серьезное, они повинуются[76].

22.

Поэтому тот, кто не знает замыслов князей, не может наперед заключать с ними союзы; кто не знает обстановки – гор, лесов, круч, оврагов, топей и болот, тот не может вести войско; кто не обращается к местным проводникам, тот не может воспользоваться выгодами местности.

23.

У того, кто не знает хотя бы одного из девяти, войско не будет армией гегемона[77].

24.

Если армия гегемона обратится против большого государства, оно не сможет собрать свои силы. Если мощь гегемона обратится на противника, тот не сможет заключить союзы[78].

25.

По этой причине гегемон не гонится за союзами в Поднебесной, не собирает власть в Поднебесной. Он распространяет только свою собственную волю и воздействует на противников своею мощью. Поэтому он и может взять их крепости, может ниспровергнуть их государства.

26.

Раздает награды, не придерживаясь обычных законов, издает указы не в порядке обычного управления. Он распоряжается всей армией так, как если бы распоряжался одним человеком. Распоряжаясь армией, говори о делах, а не вдавайся в объяснения. Распоряжаясь армией, говори о выгоде, а не о вреде.

27.

Только после того, как солдат бросят на место гибели, они будут существовать; только после того, как их ввергнут в место смерти, они будут жить; только после того, как они попадут в беду, они смогут решить исход боя.

28.

Поэтому ведение войны заключается в том, чтобы предоставлять противнику действовать согласно его намерениям и тщательно изучать их; затем сосредоточить все его внимание на чем-нибудь одном и убить его полководца, хотя бы он и был за тысячу миль. Это и значит уметь искусно сделать дело.

29.

По этой причине в день выступления в поход закрой все заставы, уничтожь все пропуска через них, чтобы не прошли посланцы извне. Правитель действует в своем совете и отдается делам правления, а за войну во всем спрашивает со своего полководца[79].

30.

Когда противник станет открывать и закрывать, непременно стремительно ворвись к нему. Поспешి захватить то, что ему дорого, и потихоньку поджидай его. Иди по намеченной линии, но следуй за противником. Таким способом решишь войну[80].

31.

Поэтому сначала будь как невинная девушка – и противник откроет у себя дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите.

Глава XII.

Огневое нападение

1.

Сун-цзы сказал: огневое нападение бывает пяти видов: первое, когда сжигают людей; второе, когда сжигают запасы; третье, когда сжигают обозы; четвертое, когда сжигают склады; пятое, когда сжигают отряды[81].

2.

При действиях огнем необходимо, чтобы были основания для них. Огневými средствами необходимо запастись заранее. Для того чтобы пустить огонь, нужно подходящее время; для того чтобы вызвать огонь, нужен подходящий день. Время – это когда погода сухая; день – это когда луна находится в созвездиях Цзи, Би, И, Чжэнь. Когда луна находится в этих созвездиях, дни бывают ветреные.

3.

При огневом нападении необходимо поддерживать его соответственно пяти видам нападения: если огонь возник изнутри, как можно быстрее поддерживай его извне; если огонь и возник, но в войске противника все спокойно, подожди и не нападай. Когда огонь достигнет наивысшей силы, последуй за ним, если последовать можно; если последовать нельзя, оставайся на месте. Если извне пустить огонь можно, не жди кого-нибудь внутри, а выбери время и пускай. Если огонь вспыхнул по ветру, не производи нападение из-под ветра. Если ветер днем продолжается долго, ночью он стихает.

4.

Вообще в войне знай про пять видов огневого нападения и всеми средствами защищайся от них. Поэтому помощь, оказываемая огнем нападению, ясна. Помощь, оказываемая водой нападению, сильна. Но водой можно отрезать, захватить же ею нельзя.

Если желая сразиться и победить, напасть и взять, не прибегаешь при этом к действию этих средств, получится бедствие; получится то, что называют "затяжными издержками". Поэтому и говорится: просвещенный государь рассчитывает на эти средства, а хороший полководец их применяет.

5.

Если нет выгоды, не двигайся; если не можешь приобрести, не пускай в ход войска; если нет опасности, не вой. Государь не должен поднимать оружие из-за своего гнева; полководец не должен вступать в бой из-за своей

злобы. Двигаются тогда, когда это соответствует выгоде; если это не соответствует выгоде, остаются на места. Гнев может опять превратиться в радость, злоба может опять превратиться в веселье, но погибшее государство снова не возродится, мертвые снова не оживут. Поэтому просвещенный государь очень осторожен по отношению к войне, а хороший полководец очень остерегается ее. Это и есть путь, на котором сохраняешь и государство в мире и армию в целостности.

Глава XIII.

Использование шпионов

1.

Сунь-цзы сказал: вообще, когда поднимают стотысячную армию, выступают в поход за тысячу миль, издержки крестьян, расходы правителя составляют в день тысячу золотых. Внутри и вовне – волнения; изнемогают от дороги и не могут приняться за работу семьсот тысяч семейств.

2.

Защищаются друг от друга несколько лет, а победу решают в один день. И в этих условиях жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника – это верх негуманности. Тот, кто это жалеет, не полководец для людей, не помощник своему государю, не хозяин победы.

3.

Поэтому просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому, что все знали наперед.

4.

Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем заключения по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений[82]. Знание положения противника можно получить только от людей.

5.

Поэтому пользование шпионами бывает пяти видов: бывают шпионы местные[83], бывают шпионы внутренние, бывают шпионы обратные, бывают шпионы смерти, бывают шпионы жизни.

6.

Все пять разрядов шпионов работают, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной[84]. Они – сокровище для государя.

7.

Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника и пользуются ими; внутренних шпионов вербуют из его чиновников и пользуются ими; обратных шпионов вербуют из шпионов противника и пользуются ими. Когда я пускаю в ход что-либо обманное, я даю знать об этом своим шпионам, а они передают это противнику. Такие шпионы будут шпионами смерти. Шпионы жизни – это те, кто возвращается с донесением.

8.

Поэтому для армии нет ничего более близкого, чем шпионы; нет больших наград чем для шпионов; нет дел более секретных, чем шпионские. Не обладая совершенным знанием, не сможешь пользоваться шпионами; не обладая гуманностью и справедливостью, не сможешь применять шпионов; не обладая тонкостью и проницательностью, не сможешь получить от шпионов действительный результат. Тонкость! Тонкость! Нет ничего, в чем нельзя было бы пользоваться шпионами.

9.

Если шпионское донесение еще не послано, а об этом уже стало известно, то и сам шпион и те, кому он сообщил, предаются смерти.

10.

Вообще, когда хочешь ударить на армию противника, напасть на его крепость, убить его людей, обязательно сначала узнай, как зовут военачальника у него на службе[85], его помощников, начальника охраны, воинов его стражи. Поручи своим шпионам обязательно узнать все это.

11.

Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя. Ибо ты сможешь приобрести обратного шпиона и пользоваться им. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь приобрести и местных шпионов и внутренних шпионов и пользоваться ими. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь, придумав какой-нибудь обман, поручить своему шпиону смерти ввести противника в заблуждение. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь заставить своего шпиона жизни действовать согласно твоим предположениям.

12.

Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь. Но узнают о противнике обязательно через обратного шпиона Поэтому с обратным шпионом надлежит обращаться особенно внимательно.

13.

В древности, когда поднималось царство Инь, в царстве Ся был И Чжи; когда поднималось царство Чжоу, в царстве Инь был Люй Я. Поэтому только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела. Пользование шпионами – самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия.

Примечания

1

Некоторые особенно спорные места перевода оговорены в "Примечаниях", помещенных в конце настоящей работы. Цифры в последующем тексте дают ссылку на соответствующее примечание к данной главе. Напоминаем, кроме того, что почти каждая фраза трактата разъясняется в соответствующей главе "Комментария".

2

Ввиду того, что в разных изданиях трактата дается различная разбивка на абзацы, часто даже нарушающая единство фразы, переводчик счел себя вправе произвести свою разбивку, исходя из признака законченности той или иной мысли.

3

В комментаторской литературе существуют большие разногласия по вопросу о понимании слова "цзин". Ду Му предлагает значение "измерять". Такое толкование может быть поддержано особым, а именно техническим значением этого слова, применяемым в строительном деле; в этой области "цзин" означает: производить обмер участка, предназначенного для постройки. Поскольку такой обмер представлял первое действие строителя, то это слово получило более общий смысл: делать предварительный расчет в начале какого-либо предприятия вообще. В пользу такого понимания "цзин" говорит также возможное сопоставление этого слова со стоящим несколько дальше "цзяо", имеющим, смысл "взвешивать", в дальнейшем – "сопоставлять". Поскольку "цзяо" может считаться параллельным "цзин", постольку выходит, что слово "цзин" правильнее всего перевести соотносительно слову "взвешивать" словом "измерять".

Такое толкование имеет за собой серьезные основания, но и все же останавливаюсь на другом и передаю "цзин" по-русски словами "класть в основу". Основное, действительно первоначальное значение "цзин", как известно, идет из области не строительного дела, а ткацкого. Словом "цзин" обозначалась основа ткани, в противоположность слову "вэй", которым обозначался уток. При этом, согласно технике самого процесса тканья, основа, т. е. продольные нити, остается все время тканья неподвижной, т. е. именно составляет "основу", в то время как уток, т. е. поперечные нити, на эту основу накладывается. Таким образом, в техническом языке,

как глагол, это слово означает "ткать основу", а в общем смысле – "закладывать основу", "класть что-либо в основу". В этом именно смысле понимают "цзин" в данном месте Чжан Юй и Ван Чжэ. Что же касается параллелизма с "цзяо", то это вопрос понимания всего места в целом – по отношению к общему содержанию главы. Если переводить "цзин" параллельно с "цзяо" ("взвешивать") словом "измерять", то обе фразы будут говорить о двух равных и в общем близких по смыслу действиях: войну измеряют тем-то, взвешивают тем-то. Но, как видно из всего содержания главы, – это "совершенно две разные вещи. "Пять элементов" – совершенно другое, чем семь расчетов": и смысл другой, и форма изложения другая, и постановка вопроса иная. Поэтому здесь параллелизм не двух одинаковых или близких действий, а параллелизм двух различных действий: одно кладут в основу, с помощью другого производят расчеты." К тому же, как это указано в переводе, против непосредственного сопоставления "цзин" и "цзяо" говорит и явно ошибочное помещение фразы с "цзяо" сейчас же после фразы с "цзин".

4

Слова, поставленные в переводе здесь и всюду, где следует, в скобки представляют повторение таких же слов в каком-либо другом месте трактата, причем там они вполне уместны, будучи тесно связаны с общим контекстом, здесь же – явно излишни. Так, например, в данном случае эти слова повторяются несколько ниже – в п. 4, где им по содержанию и надлежит быть.

5

Слово "шан" можно было бы взять в значении "высшие", "правители". Не делаю этого потому, что в таком значении оно обычно употребляется параллельно со словом "ся" – "низшие", "управляемые"; в данном же контексте слово "шан" противопоставляется слову "минь" – "народ"; обычно же понятию "народ" противопоставляется понятие "государь", "правитель". Поэтому и беру для "шан" не "высшие", не "правительство" и не "правители" – во множественном числе, а в единственном числе – "правитель".

6

"Вей" беру в смысле глагола "и", как то делает большинство комментаторов (Цао-гун, Ду Ю, Ду Му, Чжан Юй), т. е. в смысле "иметь сомнения".

7

Выражение "ши чжи" можно понять двояко – в зависимости от того, какой смысл придать слову "чжи". Если понять его в том значении, в котором оно выступает в сложном слове "чжиду" – "порядок", строй, "система" и т. п., выражение "шичжи" будет означать "порядок времени", "законы времени" и т. п. Возможно понять "чжи" и в духе русского глагольного имени – "распоряжение", "управление", поскольку "чжи" может иметь и глагольное значение – "распоряжаться". "управлять". Так понимает это слово Мэй Яо-чэнь, который перефразирует выражение "шичжи" так: "справляться с этим своевременно", в нужный, подходящий момент. В трактате Сыма фа есть выражение, очень близкое по смыслу к этому месту Сунь-цзы: – "следовать за небом (т. е. за погодой – Н. К.) и соблюдать время". Лю Инь, объясняя это место, дает парафраз Сунь-цзы: [...], т. е. "это (т. е. данное выражение Сыма Фа. – Н. К.) есть то, о чем говорится (у Сунь-цзы словами. – Н. К.): "мрак и свет, холод и жара .. справляться с этим своевременно"). Кстати, этот парафраз Лю Иня выясняет, какое дополнение подразумевается при глаголе "чжи": слово "чжи". несомненно, относится к предыдущему, т. е. к словам "мрак и свет, холод и жара". При таком толковании общая мысль Сунь-цзы может быть пересказана следующим образом: "Небо" – это атмосферические, климатические, метеорологические условия, время года, состояние погоды. С точки зрения ведения войны важно "справляться со всем этим своевременно", т. е. уметь приспосабливаться к климатическим условиям, к погоде и выбирать подходящий момент.

Я, однако, не останавливаюсь на такой расшифровке этого места текста. Мне кажется, что это место имеет определенную, четко выраженную структуру: это – определение некоторых понятий ("Путь", "Небо", "Земля" и т. д.), причем раскрытие содержания этих понятий делается в форме перечисления того, что входит в их состав. При этом отдельные элементы этого перечисления самостоятельны и имеют свое содержание, а не охватывают все предыдущее. Так и здесь речь идет явно о трех вещах: об явлениях астрономического характера (свет и мрак), о явлениях метеорологических и климатических (холод и жара) и о "порядке времени", т. е. о годе, месяцах, днях, сезонах и т. д.

8

Мне очень хотелось в русском переводе передать выражения [...] каждое одним русским словом: "расстояние",

"рельеф", "размер". Несомненно, что реально эти выражения это и означают. Но здесь меня остановило чисто филологическое соображение. Перевести так можно было бы в том случае, если бы эти выражения являлись отдельными словами. Мне кажется, для автора текста они были словосочетаниями. На такое заключение наталкивает последующее выражение [...] которое во всем трактате Сунь-цзы никогда не употребляется иначе, как сочетание двух самостоятельных слов. Впоследствии и оно стало одним словом "жизнь" – в том смысле, в котором мы употребляем это слово в таких фразах, как "это – вопрос жизни", т. е. где одним словом "жизнь" разом обозначаются понятия "жизнь" и "смерть" (ср. аналогичное русское слово "здоровье", покрывающее понятия "здоровья" и "болезни"). Но, повторяю, у Сунь-цзы это все еще два самостоятельных понятия. А раз так, то по законам параллелизма и согласно общему контексту приходится считать, что и первые три выражения представляются словосочетаниями.

9

Из всех многочисленных и разноречивых толкований трудных терминов [...] выбираю толкование Мэй Яо-чэня, безусловно, [...] ближе всего находящееся к общему конкретному складу мышления Сунь-цзы и к его стремлению стараться всегда говорить о вещах, ближайшим образом касающихся военного дела. Поэтому и останавливаюсь на таких переводах этих трех понятий: "военный строй", "командование", "снабжение".

10

Перевожу выражение [...] словом "войско", считая, что переводить каждый иероглиф в отдельности ("бин" – строевой состав, "чжун" – нестроевой состав) не следует, так как, вероятнее всего, в данном случае мы имеем по-китайски одно слово, передающее общее понятие "войска" – во всем его составе.

Тут же встречаются в первый раз слова, обозначающие различные категории военных: "ши" и "цзу". Повсюду у Сунь-цзы эти слова употребляются как наиболее общие обозначения офицеров и рядовых, командиров и солдат. Ниже, в гл. IX,15, а также в гл. X,9 дается новый термин "ли", также противопоставляемый [...], т. е. "нижним чинам". Этот термин служит, по-видимому, обозначением командиров крупных частей [...], начальствующего состава армии.

В главе X,9 приводится и термин "дали", под которым разумеются главные из этих высших начальников, непосредственные помощники командующего, обозначаемого всюду у Сунь-цзы иероглифом "цзян".

Несомненно, по своему происхождению все эти термины не являются непосредственно военными обозначениями. Так, например, знак "ши" в древнем Китае обозначал людей, принадлежащих ко второму слою господствующего класса, вслед за [...]; иероглифом "цзу" обозначались слуги вообще, прежде всего – из рабов; иероглиф [...] применялся для обозначения лиц, принадлежащих к аппарату управления. Таким образом, эти названия не только раскрывают нам структуру древней китайской армии, но и проливают свет на классовую сторону ее организации, по крайней мере – в ее истоках. Во времена Сунь-цзы, как об этом свидетельствует сам трактат, солдатами были отнюдь не рабы: из указания, что рекрута давал один двор из восьми, явствует, что основную массу солдат составляли члены земельной общины.

11

Согласно общепринятому преданию, Сунь-цзы написал свой трактат для князя Холуй, на службе у которого он находился. Ввиду этого эти слова могут рассматриваться как прямое обращение к князю, приглашение принять методы, рекомендуемые им, и попробовать применить их на практике, причем автор считает возможным заявить, что в случае надлежащего понимания и применения его методов победа обеспечена. С целью же большего воздействия на князя Сунь-цзы прибегает к своего рода угрозе: он предупреждает, что если князь не воспользуется его советами, он от него уйдет, перейдет на службу к другому князю и таким образом лишит князя своей помощи.

Чжан Юй предлагает несколько иное толкование этой фразы: он принимает слово "цзян" не в значении "полководец", а в смысле служебного слова для обозначения будущего времени. В таком случае вся фраза получила бы по-русски следующий вид: "Если вы, князь, усвоите мои приемы, я у вас останусь, если вы их не усвоите, я от вас уйду". Однако я остановился на форме перевода, основанной на понимании слова "цзян" в смысле "полководец". Основание для этого следующее: во-первых, во всем трактате Сунь-цзы нет ни одного случая употребления этого слова в значении показателя будущего времени, во-вторых, слово "полководец" здесь вполне приложимо к князю, который сам командовал своей армией. Об этом говорит Чэнь Хао: "В это время князь вел войны, причем в большинстве случаев сам являлся полководцем".

Существует и еще одно грамматически возможное истолкование этого места: "Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их... и т. д., оставьте его у себя. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их... и т. д., удалите его". Однако, мне кажется, что общая ситуация, особенно при разъяснении Чэнь Хао, делает более приемлемым понимание, данное в переводе.

Предлагаю для очень трудного слова "цюань" в данном тексте русское "тактика", "тактический маневр", "тактический прием". Соображения, заставившие меня выбрать такой перевод, приведены в комментарии к этому месту текста, так что повторять их здесь излишне. Укажу только попутно на то, что русское слово "стратегия" я предлагаю для перевода – по крайней мере в древних военных текстах – китайского слова "моу". Только при таком переводе это слово получает вполне реальный смысл, делающим удобным и простым перевод таких словосочетаний, как, например, названия глав в трактате Вэй Ляо-цзи (гл.V) и (гл. VI) – "тактика наступления" и "тактика обороны". При таком переводе эти заглавия вполне точно передают содержания глав. В пользу этого перевода говорит и обычное обозначение военных теоретиков и писателей – "цюаньмоуцзя". Так они называются в "Ханьской истории", в отделе "Ивэнь-чжи": – "военные стратеги". "Цюань-моуцзя" соответствует в точности русскому "стратегия", поскольку у нас понятие "стратегия" в широком смысле объединяет оба понятия – "стратегию" и "тактику", а под "стратегом" понимают и стратега в узком смысле слова и тактика; и исторически слово "стратег", которым называли и полководца и теоретика военного дела в древней Греции, в точности соответствует тем лицам, о которых говорят отделы "Цюаньмоуцзя" в китайских династийных историях. Само собой разумеется, что в настоящее время для этих понятий – стратегия и тактика – в китайском языке существуют совершенно другие слова.

Китайское [...] не вполне покрывается русским "обман". Содержание этого китайского понятия охватывает то, что мы передаем словами "обман" и "хитрость". Поэтому и те приемы, которые дальше рекомендует Сунь-цзы, частью относятся к тому, что мы назвали бы обманом, частью к тому, что мы охарактеризовали бы как хитрость. Не желая давать в русском переводе два слова на место одного китайского, останавливаюсь на слове "обман", поскольку и под "хитростью" у нас разумеются не прямые и именно большей частью обманные ходы в достижении своих целей.

Выражение "мяосуань" имеет вполне конкретный смысл. В эпоху Сунь-цзы храм предков – "мяо", находившийся на дворцовой территории, обычно в восточной части ее, являлся помещением для важнейших собраний советников правителя. Это был, так сказать, "зал совета". Естественно, что перед войной здесь устраивался военный совет, на котором взвешивались все шансы войны и вырабатывался план действий. Поэтому выражение "мяосуань" имеет смысл "план войны, принятый на военном совете", до ее начала, т. е. предварительный план войны. Однако, поскольку на дворцовом совете обсуждали не только вопросы войны, выражение "мяосуань" имело общее значение – всякого предварительного плана, выработанного на совете; в дальнейшем же это слово стало означать план или расчет, выработанный на основании предварительного размышления или обсуждения, т. е. вообще предварительный расчет.

О том, что территория храма предков служила местом для важнейших церемоний и собраний, мы узнаем, в частности, и из трактата У-цзы, где рассказывается о пирах, устраивавшихся на дворе храма предков в честь отличившихся на службе государству (У-цзы, VI, 1).

Термины "чичэ" и "гэчэ", представляющие наименования различных видов колесниц, употреблявшихся в древней китайской армии, вызывают несколько разноречивые толкования. Цао-гун и Мэй Яо-чэнь определяют первый как "легкие колесницы", второй как "тяжелые колесницы". Ли Цюань называет первые "боевыми колесницами", вторые – "легкими колесницами". Ду Му понимает так: "легкие колесницы" – это боевые колесницы, на которых в древности вели бой; что же касается "гэчэ", то это, по его мнению, обозные, тяжелые колесницы, на которых перевозили оружие, вещи и снаряжение. Чжан Юй истолковывает эти термины по-иному: первые – это, по его мнению, колесницы для нападения, вторые – для обороны. Таким образом, совершенно ясно значение первого термина – "чичэ": это колесницы, предназначенные для боя; их называют то "легкими колесницами", то "боевыми колесницами", то "наступательными колесницами". Сомнение вызывает второй термин: боевые ли это колесницы или только обозные фургоны? Ду Му считает их именно последними, но Чжан Юй полагает, что они являются также боевыми колесницами, только предназначенными для обороны. Другие комментаторы, не объясняя их назначения, называют их "тяжелыми колесницами". Однако Ли Цюань неожиданно именно к ним прилагает термин "легкие колесницы", противопоставляя их "боевым колесницам", в то время как Ду Му именно "боевыми колесницами" называет только "легкие".

Я считаю, что Ду Му прав в том смысле, что первые, т. е. легкие колесницы, есть в точном смысле этого слова

боевые, вторые же, т.е. тяжелые колесницы, являются прежде всего обозными. Мне кажется это верным по той причине, что на первых колесницах – очень подвижных и легких – помещались три тяжеловооруженных воина, ведшие бой, вокруг же располагались пехотинцы – 72 человека. Для быстроты продвижения эти колесницы были запряжены четверкой коней, покрытых кожаными панцирями для защиты от стрел. Ясно, что они предназначались для боя. Тяжелые колесницы для боя не годились уже по своей громоздкости. В трактате У-цзы упоминается, что их строили иногда размером "больше дома" (У-цзы, Введение). Кроме того, в них запрягали 12 волов, что одно указывает на их малоподвижность. К ним придавали также нестроевой состав – кашеваров, каптенармусов, конюхов, чернорабочих для подноски топлива и воды, всего 25 человек. Следовательно, они явно не предназначались для боя, по крайней мере для наступательных операций. Но в то же время они делались исключительно хорошо защищенными от стрел. В трактате У-цзы описывается, что их сверху донизу обивали кожами, прикрывали кожами колеса и т. д. (У-цзы, Введение). Поэтому, если во время похода легкие колесницы естественно шли впереди, а тяжелые сзади, то на стоянках легкие располагались внутри, тяжелые снаружи, образуя как бы укрепленный лагерь. Во время же боя тяжелые колесницы ставились позади фронта сплошной стеной и служили укрытием для своих солдат. Таким образом, когда Чжан Юй называет тяжелые колесницы оборонительными, он прав: это – большие, так сказать, бронированные обозные фургоны, используемые и как укрытие и при обороне.

16

Комментаторы пробуют определять, чему равнялась та тысяча миль, о которой говорит Сунь-цзы, в мерах их времени. Если взять самого близкого к нам по времени комментатора (из старых, конечно), который затрагивает этот вопрос, – Сорай, то он исчисляет один чжоуский фут в 7.2 японских дюйма его времени, 8 чжоуских футов составляют 1 сажень, т. е. 5 футов и 7.6 дюйма японских; одна миля равна 300 сажень, т. е. 172 сажени и 8 футов японских, иначе 4 те и 48 кэн, 1000 миль, таким образом, равна 4800 японских те, т. е. несколько более 133 японских миль. В переводе на европейские меры это будет около 450 км. Считаясь с тем, что чжоуский фут был в эпоху Чжоу не везде одинаков, Сорай допускает колебание этой цифры от 100 до 133 японских миль, т. е. приблизительно от 350 до 450 км (Сорай, цит. соч., стр. 30). Впрочем, как об этом говорилось и в комментарии, вряд ли есть какая-нибудь надобность в этих точных вычислениях: текст Сунь-цзы не следует понимать в данном случае буквально, а принимать его выражение "1000 миль" за общее обозначение далекого расстояния.

17

О слове "князь" здесь и всюду ниже см. примечания к главе II.

В переводе текста II главы мною употребляется слово "князя". Так я передаю по-русски китайское обозначение "чжухоу". Такой перевод является обычным в китаеведческой практике и я не нахожу нужным его менять. К тому же я считаю его правильным и по существу, т. к. русское слово "князя" может служить и служит общим обозначением владельцев представленных в истории различных типов государственных образований, за исключением носителей верховной власти, стоящей – номинально или фактически – над властью отдельных "князей". Именно такой смысл и имеет китайское чжухоу. В связи с этим предупреждаю, что всюду в дальнейшем у меня будет встречаться слово "князь". Этим общим наименованием я позволяю себе передать все те титулы владетельных князей, которые существовали в период Чуньцю. Как известно, это – титулы "гун", "хоу", "бо", "цзы" и "нань". Конечно, в этих разных титулах отражается известная градация в положении (по крайней мере, в "юридическом" смысле) правителей отдельных владений того времени, но мне кажется, что отразить эту градацию в переводе следует только тогда, когда переводится текст, где эта градация играет существенную роль. Когда же этого нет, всех этих владетелей можно обозначать общим словом "князя", тем более, что такое общее обозначение их существует и в китайской истории: это – слово "чжухоу", т. е. как раз то, которое в этой главе и дано. При этом как в русском слове "князя" один из титулов служит обобщающим обозначением всех прочих, так и в китайском "чжухоу" в качестве обобщающего обозначения взят также один из титулов – "хоу".

Я употребляю русское "князь" для обозначения владельцев времен Чуньцю, входящих в общую категорию "чжухоу", но не для обозначения Чжоуских правителей, титул которых был, как известно, "ван". Этот титул я передаю русским "царь". Конечно, это возможно только для тех времен, но не для позднейших, когда "ван" получило значение "князь", "принц". Для передачи еще одного титула, встречающегося в памятниках того времени, титула "ди", я сохраняю принятый перевод "император". Поясняю, что во всех этих случаях я говорю о переводческой передаче китайских обозначений; вопрос об историческом существе той власти, которая обозначалась каким-либо из этих титулов, совершенно особый.

18

Слово "чжун-юань" я перевожу здесь русским "страна". Собственно говоря, этим словом обозначалась

центральная равнинная часть территории Китая, расположенная по течению Хуанхэ, особенно земли, составляющие ныне провинции Шаньдун и Хэнань.

Некоторые комментаторы так и считают, прибегая в связи с этим к крайне искусственному толкованию этого места трактата, как это делает, например, Сорай. Основой такого их толкования служит соображение, что Сунь-цзы, находившийся в княжестве У, не мог назвать так территорию своего княжества: оно было расположено к югу от Янцзы-цзяна по нижнему течению этой реки. Однако не нужно забывать, что это же слово получило значение "страны" вообще. Поэтому вполне возможно, что в таком смысле оно и здесь употреблено.

19

Выражение "цюню" одни понимали как "волы, поставляемые сельскими общинами", другие – как "большие волы", основываясь на том, что слово "цю" может значить "большой". Я ставлю по-русски просто слово "волы", считая в то же время, что предыдущий текст совершенно ясно указывает, что здесь речь идет о воллах, поставляемых общинами. Оснований для того, чтобы считать слово "цю" в сочетаниях "цюи" и "цюню" различным по смыслу, нет никаких, тем более, что речь все время идет об одном и том же. Кроме того, нигде во всем трактате нет ни одного случая употребления иероглифа "цю" в значении "большой". Поэтому толкование Ли Цюаня, к которому с некоторыми оговорками присоединяется и Сорай, должно быть безусловно отвергнуто.

20

Я позволил себе на место китайских "чжун" и "дань" поставить русские "фунт" и "пуд". Конечно, это не соответствует действительным весовым соотношениям этих мер. Кроме того, китайские "чжун" и "дань" – меры сыпучих тел, а не веса, и по-русски следовало бы взять что-либо вроде "четверти" и "гарнца". Но дело здесь не в точных мерах. Сунь-цзы просто указывает на то, что известное количество провианта и фуража, полученное на месте, по своему значению во много раз превышает то же количество, доставляемое издалека, или, иначе говоря, экономически гораздо выгоднее получить то, что нужно, на месте, чем возить издалека. Так как в данной фразе Сунь-цзы единственно важна именно эта мысль, я и позволил себе, чтобы сразу сделать ее ясной для русского читателя, на место ничего не говорящих русскому слуху названий древних китайских мер подставить знакомые русские слова. О реальной величине "чжун" и "дань" сведения дают все комментаторы. Кода в переводе на современные японские меры исчисляет один чжун в шесть коку и четыре то, один дань – в 20 коку (Кода и Оба, цит. соч., стр. 81). Это составляет 32.7 бушеля (1 чжун) и 99.2 бушеля (1 дань).

21

Сорай дает совершенно иное толкование этому месту II главы. По его мнению, Сунь-цзы здесь говорит о том, чтобы передать отнятые от противника колесницы самим же сдавшимся неприятельским войскам, именно тем, кто первыми изъявил покорность. иначе говоря, Сорай предполагает, что захват колесниц противника происходит путем сдачи воинов противника. Таким образом, можно воздействовать на психологию сдавшихся и привлечь их на свою сторону, а с другой – подействовать и на прочих, побуждая их к сдаче. Однако на всякий случай следует принимать и некоторые меры предосторожности, а именно: на колесницах вперемешку со сдавшимися следует рассадить и своих воинов или же сдавшихся раньше и уже проверенных, рассадить так, чтобы из троих воинов, составлявших команду колесницы, один или двое были вполне надежными.

Такое понимание основано на толковании одного слова текста – указательного местоимения "ци", которое в этом абзаце встречается два раза. Сорай считает, что это местоимение должно указывать на одно и то же. В первый раз оно встречается в словосочетании "отдай в награду тем, кто первым..." и т.д., во второй раз – в словосочетании "перемени на них (собственно: "те") знамена". Так как во втором случае совершенно ясно, что местоимение "те" указывает на знамена, находящиеся на отнятых колесницах, то и в первом случае "тем" должно относиться к противнику, т. е. фраза должна иметь смысл "отдай их в награду тем, кто первым сдался" (Сорай, цит. соч., стр. 45).

Эта аргументация вполне основательна, но все же принять толкование Сорая нельзя. Ведь, если следовать его толкованию, то слово "дэ" нужно будет понимать, как "сдаваться", в то время как оно означает "овладевать". Могут сказать, что это чисто словарный подход к делу. Вряд ли это, однако, правильно: в знаменитом приказе У-цзы перед битвой при Си-хэ, приведенном в VI главе его трактата, именно этот глагол употреблен в приложении к колесницам, и именно в смысле "захватывать". "Командиры и солдаты, – говорит этот полководец, – каждому из вас предстоит встретиться – кому с колесницами противника, кому с его пехотой, кому с его конницей. Помните, что если каждая колесница не захватит ("дэ") колесницы противника, каждый всадник не захватит его всадника, каждый пехотинец не захватит его пехотинца, пусть мы и разобьем его армию, все равно заслуг не будет ни у кого". Совершенно ясно, что этот глагол применяется именно в смысле захвата трофеев. Поэтому понимание его как "сдаваться" представляет исключительную натяжку. Далее, если следовать Сорая, то глагол "перемешивать" следует отнести к солдатам: "перемешай солдат на колесницах – своих с только что

захваченными". Но грамматически ясно, что в словосочетании "чэ цза" этот глагол относится к колеснице, других слов в этом сочетании нет и не может даже подразумеваться, так как последующий знак свидетельствует, что мысль словосочетания закончена. В таком случае получается вполне реальный смысл: перемешать, смешать захваченные колесницы со своими, т. е. включить их в состав своих сил. Два же одинаковых местоимения можно отнести к колесницам противника и перевести всю фразу так: "раздай (их) в награду тем, кто первым их захватил, и перемени на них знамена".

22

Считаю возможным дать русские наименования "взвод", "батальон" и т.д. на том основании, что относительно, с точки зрения последовательности войсковых подразделений, эти наименования соответствуют китайским. В китайской армии – по данным Чжоу ли – в период Чжоу самым мелким подразделением была пятерка (кит. "У"), к ней я прилагаю, русское название "взвод"; соединение из пяти взводов, т. е. 25 человек, составляло следующую единицу, переводимую словом "рота" (кит. "лян") далее идет батальон – соединение из четырех рот, 100 человек (кит. "цзу"); затем бригада (кит. "люй") – соединение из пяти батальонов, т.е. 500 человек; далее идет дивизия (кит. "си") – соединение пяти бригад, т. е. 2500 человек; пять дивизий, т.е. 12500 человек, составляли армию (кит. цзюнь). Однако самым крупным соединением во время похода были "три армии", т. е. войсковая группа в 37 500 человек, в которой одна армия, располагающаяся впереди, получала значение авангардной, другая, которая располагалась в центре и при которой находился главнокомандующий, называлась центральной, а третья, прикрывающая тыл, была армией арьергарда. В переводе к такой группе я также прилагаю русское слово "армия", так как, несомненно, китайское "сань цзюнь" – три армии – понималось, как армия в широком смысле слова. Это были те силы, которые, по чжоускому праву, могло иметь так называемое "большое государство", т. е. с правителем с титулом "гун" или "хоу"; "средние государства" с правителем с титулом "бо" имели только две армии, т. е. 25000 человек; "малые государства", с правителем с титулом "цзы" или "нань" могли иметь только одну армию, т. е. 12 000 человек. Сам же чжоуский ван – имел шесть армий, т. е. 75 000 человек. Поэтому несомненно, что все эти названия – "лю цзюнь", "сань цзюнь", "лянь цзюнь" и "цзюнь" имели значение "армии" в широком смысле слова.

Заметим попутно, что это положение об армиях требует больших оговорок. Нам известно, например, что гун и хоу могли иметь тысячу боевых колесниц. Если же учесть, что каждой колеснице придавалось сто человек строевой и нестроевой команды, получается, что такой правитель мог иметь стотысячную армию. Кроме того, из других трактатов по военному искусству мы узнаем о несколько иной системе войсковых подразделений (например, у Вэй Ляо-цзы, в Лю тао, в "Диалогах" Ли Вэй-гуна). Несомненно, что не только подвергался различным изменениям чжоуский устав, но вырабатывались свои порядки в разных крупных и по существу совершенно независимых от чжоуского дома княжествах или царствах.

23

В тексте трактата, приводимом "Камбун тайкэй", воспроизводящем, как сказано в вводной части настоящей работы, циньскую редакцию, стоят иероглифы [...]. Это значит, что речь идет о потерях только офицерского состава. Считая, как это делает большинство комментаторов, это явно нелепым, перевожу это место согласно тексту, приведенному в Тун дзянь, где дается [...].

24

Слово "моу" передано по-русски в зависимости от контекста в одних случаях русскими словами "замыслы", иногда – "планы", в других – "стратегия" (аргументацию в пользу такого перевода см. в примечании 9 к главе 1). Словосочетание "моу гун" в контексте всего этого абзаца переводится здесь как "стратегическое нападение".

25

Слово "фу" употребляется главным образом метафорически – в смысле "помощник". Считаю, однако, что здесь Сунь-цзы прибегает к образному сравнению и поэтому беру это слово в его первоначальном значении – чека, крепление колеса у телеги. О том, что здесь – сравнение, говорят два следующих слова: "чжоу" и в особенности "си" – "плотный" и "щель". Эти понятия приложимы именно к чеке, креплению, которое может быть пригнано плотно и может разойтись так, что получится щель, промежуток.

26

Фраза, представляющая большие грамматические трудности. По-видимому, это чувствовали и старые китайские читатели Сунь-цзы, так как в некоторых изданиях слова "государь" (цзюнь) и "армия" (цзюнь) переставлены одно

на место другого (ср. Сорай, цит. соч., стр. 59). Несомненно, что при такой перестановке понимание этой фразы облегчается это более привычная грамматическая форма выражения мысли – "таких вещей, в которых в армии проявляется бедствие по вине государя, три". Однако особенность китайской грамматической формы в этом месте не имеет значения: смысл в обоих случаях будет один и тот же.

27

Сорай дает совершенно иное толкование этой фразе. Он считает, что здесь речь идет о введении в управление армией на равных правах с полководцем "инспектора армии" (цзяньцзюнь), которому поручалось наблюдение за армией и особенно за полководцем. Сорай указывает, что правители часто не доверяли полководцам и опасались всяких неожиданностей с их стороны, почему и назначали особых инспекторов из числа своих приближенных, пользующихся полным доверием. Помимо двоевластия, получающегося в армии вследствие наличия такого инспектора, по мнению Сорая, возникает и тот вред, что такой инспектор, как правило, не знал военного дела и не мог участвовать в руководстве армией. Отсюда и "растерянность в армии" (Сорай, цит. соч., стр. 60 – 61).

Считаю это толкование чрезвычайно искусственным. Насколько оно является притянутым извне, а не основанным на данных текста, свидетельствует тот факт, что Чжан Юй дает совершенно такое же толкование следующей фразе текста, говорящей совсем о другом, сравнительно с этой фразой. Мне кажется, что и с точки зрения чисто лексической и с точки зрения общего контекста всего данного раздела трактата слова [...] следует понимать так, как понимают их Цао-гун и Ду Ю.

28

Чжан Юй иначе понимает это место. Ему кажется, что Сунь-цзы имел здесь в виду назначение в армию, помимо командующего, еще особого "инспектора армии" (цзяньцзюнь), как это звание стало называться в позднейшие времена. Короче говоря, Чжан Юй понимает это место так же, как Сорай понимает предыдущее. Некоторые основания у него имеются: это наличие слова "жэнь" – "назначение", отправляясь от которого можно прийти при желании и к такому пониманию, тем более, что назначение инспекторов, по-видимому, широко практиковалось, особенно в более поздние времена.

Трудно, конечно, с уверенностью утверждать, что Чжан Юй ошибается; слишком кратки и общи формулы Сунь-цзы. Но все же мне кажется, что если Чжан Юй понял предыдущее положение Сунь-цзы так, как его поняли Цао-гун и Ду Ю, он должен был понять так же, как они, и это положение. Форма, в которую облечены оба положения, абсолютно одинакова, и различие состоит только в том, что в первом положении стоит слово "управление армией", во втором – "назначение в армию". Следовательно, если Чжан Юй первое положение понял как указание на недопустимость управлять армией на тех же началах, как и государством, он должен был принять второе положение, как указание на недопустимость производить назначения в армию на тех же началах, как и в государстве. При таком понимании это положение будет логическим развитием того же принципа, который заложен в предыдущем.

29

Словами "глубины преисподней" и "высота небес" переведены китайские "цзю ди" и "цзю тянь", буквально "девятая земля" и "девятое небо". Само собой разумеется, что эти понятия в определенной области имели конкретное значение и притом различное в зависимости от сферы приложения. Так, например, по версии, передаваемой Чэнь Хао, выражением [...] – "верх девятого неба" – обозначался "день тигра" в третьей луне весны, "день лошади" в третьей луне лета и "день обезьяны" в третью луну осени, а также "день крысы" в третью луну зимы; "низом девятой земли" [...] называли "день обезьяны" третьей луны весны, "день крысы" третьей луны лета, "день тигра" третьей луны осени и "день лошади" третьей луны зимы. Есть и другие значения, свидетельствующие о том, что эти выражения играли роль терминов из области циклического счета времени. Однако а общем языке эти слова употреблялись как метафоры. Путь к такому употреблению открывался самым буквальным их значением – "девятая земля" и "девятое небо". Это ассоциировалось с представлениями о девяти кругах подземного мира и о девяти сферах небес. Поскольку же число девять, как это отражено в И-цзине, считалось в определенной системе пределом числа, понятие "девятая земля" означало "самые глубины преисподней", понятие "девятое небо" – "самая высшая сфера небес". Поэтому я и счел себя вправе в переводе взять именно эти русские выражения, как вполне соответствующие китайским "цзю ди" и "цзю тянь" в их метафорическом применении.

30

Словами "легкое перышко" передано китайское словосочетание "цю хао", буквально означающее "осеннее перо". Ввиду того, что перья у птицы к осени отрастают, и кончики их делаются тонкими и заостренными, образ

"осеннее перо" стал применяться как метафора тонкого и легкого.

31

Позволяю себе и здесь, как и во II главе, при передаче китайских мер подставить русские выражения: "и" – "рубль", "чжу" – "копейка". Сунь-цзы прибегает к таким мерам отнюдь не для обозначения точной стоимости, а исключительно для указания на соотношение. Поэтому и в переводе следует отразить именно это соотношение, причем теми же средствами, как и автор, т. е. обращаясь к денежным обозначениям. Один "и" равняется 480 чжу, в старом китайском исчислении он соответствовал 20 ланам.

32

Можно определить высоту, которую имеет здесь в виду Сунь-цзы: это будет около 1800 м.

33

Так как для Сунь-цзы в этом месте важна не конкретная картина боевого расписания армии, а лишь принцип такового, я и ограничился приведением в комментарии лишь одной формы такой организации армии, самой типичной. Но что такая система подразделений была далеко не единственной, свидетельствуют другие трактаты по военному искусству. Так, например, Вэй Ляо-цзы упоминает о несколько иной системе подразделений: пятерка (у), или взвод, десятков (ши); пять десятков составляли роту (шу), две роты, т. е. 100 человек, – батальон (люй) (Вэй Ляо-цзы, гл. XIV, стр. 42). В Ханьскую эпоху была другая система подразделений; о ней упоминает в своих комментариях Чжан Юй: сначала также была пятерка (ле), далее шел десяток (хо), затем – полусотня (дуй); две полусотни составляли сотню (гуань), две сотни составляли батальон (цуй), два батальона, т. е. 400 человек, составляли полк (бу), два полка, т. е. 800 человек, составляли бригаду (цзяо) две бригады, т. е. 1600 человек, – дивизию (бэй), две дивизии, т. е. 3200 человек, – армию (цзюнь).

34

Понимание выражения "син мин" в смысле "построение" как это развито в предложенном комментарии, основано на толковании, данном Ду Му. Согласно Ду Му, слово "син" – "форма" означает "форму расположения", слово "мин" – "значки и знамена", т. е. обозначения расположений. Как известно, в китайской армии именно таким способом обозначали каждую часть в общей системе боевого порядка, так что авангард имел свое специальное знамя, правый фланг свое и т. д. Поэтому названия знамен тем самым являлись и названиями частей. В трактате У-цзы указывается, что авангард обозначался знаменем с изображением красного коршуна, аррьергард – знаменем с изображением черной черепахи, левофланговые части – знаменем синего дракона, правофланговые – знаменем белого тигра (У-цзы, III, 7).

Цао-гун дает другое толкование словам "син" и "мин". Он полагает, что под словом "форма" Сунь-цзы подразумевает значки и знамена, т. е. построение, под словом же "название" – гонги и барабаны, т. е. командные сигналы, так как в древней китайской армии команды подавали не голосом, а именно посредством этих инструментов. Я остановился на версии Ду Му, так как она, по-моему, более точно соответствует ходу мысли Сунь-цзы. Данная фраза представляет точное грамматическое повторение предыдущей, поэтому в этих двух фразах должен быть полный параллелизм и терминов. Следовательно, если в первой фразе термин "фынь-шу" есть одно понятие "подразделения", взятое в его двух признаках – части и численности, то и во второй фразе термин "син-мин" должен быть такого же типа, т. е. быть одним понятием, раскрытым с помощью двух признаков. Что тут речь идет о построении, признает и Цао-гун, но это обязывает его оба термина трактовать в сфере этого единого понятия. Если же понимать "син" как обозначение построения во всей полноте этого термина, то "мин" совершенно выпадает из этой сферы и должно обозначать какую-то другую категорию. О двух же различных категориях здесь не может быть и речи, почему я и считаю, что в данном случае правильное понимает Сунь-цзы не Цао-гун, а Ду Му.

35

Перевожу слово "сянь" русским "стремительный", исходя из толкования, даваемого этому слову Ван Чжэ: "Когда поток натывается на кручи и теснины, у него образуется мощь". Иначе говоря, он берет образ горного потока, сила и стремительность течения которого возрастает вследствие крутых каменистых берегов и тесного ложа.

36

Останавливаюсь на таком понимании этой фразы Сунь-цзы, так как считаю, что она должна стоять в непосредственной связи со всем предыдущим рассуждением. Поэтому толкую слово "юань" – "круглый" – в том смысле, в каком его понимают Ли Цюань и Хэ Янь-си. Ли Цюань считает, что слово "круглый" употреблено у Сунь-цзы в смысле "не имеющий ни передней, ни задней стороны", т. е. лишенный всякой формы. Хэ Янь-си также считает, что "круглый" имеет смысл "отсутствия правильных рядов", т. е. боевого порядка. Полагаю, что это толкование более правильно, чем все другие, так как понятие "круглый" в приложении к боевому построению древней китайской армии, несомненно, могло быть синонимом "расстроенный". Все формы построения, начиная от построения первоначального звена – взвода и кончая армией в целом, были четырехугольными. Солдаты строились рядами, т. е. прямыми линиями, эти шеренги располагались одна за другой, так что все было основано на принципе четырехугольника. Таким образом, "округление" построения означало нарушение этой четырехугольной формы, т. е. расстройство боевого порядка. Поэтому никак не могу согласиться с мнением Мэй Яо-чэня, Сорая и некоторых других комментаторов, считающих, что слово "круглый" в данном случае употреблено Сунь-цзы в смысле "подвижный". При таком понимании неизбежно толковать и образное выражение: "хуньхунь-хуньхунь" в подобном же смысле. Так и делает Ду Ю, который считает, что эти образы бурно мчащейся воды говорят о быстром и стремительном беге колесниц. Не могу согласиться с этим толкованием, так как считаю, что это образное выражение является строго параллельным образному выражению "фыньфынь-юньюнь" в первой фразе. Если то выражение, как это единодушно понимают все комментаторы, имеет смысл "смешаться", "перепутаться", то в условиях параллелизма обеих фраз и полного совпадения всех их элементов и это образное выражение не может иметь, так сказать, "положительного" смысла, оно так же, как и первое, должно указывать на признак какой-то дезорганизованности. Первая фраза, не вызывающая ни в ком сомнения, построена так: образное выражение, рисующее дезорганизованность, затем слова, определяющие эту дезорганизованность в точных выражениях, затем переходно-противопоставительное служебное слово и, наконец, основное сказуемое в форме отрицательной: "расстроить (такую армию) невозможно". Форма второй фразы абсолютно такая же; поэтому, если конечное сказуемое там будет "разбить ее невозможно" и если перед этим сказуемым стоит то же служебное слово, с неизбежностью вытекает, что и первая половина этой фразы, состоящая из образного выражения и двух терминов, должна быть чем-то противопоставляемым второй половине, т. е. тем же самым, чем по отношению ко второй половине является первая половина первой фразы. Таковы формальные основания моего перевода. Реальные же основания взяты из общего контекста всей этой главы и видны из комментария.

37

Останавливаюсь на том понимании этого места, которое изложено в комментарии, следуя толкованию Сорая (цит. соч., стр. 120 – 122). В самом деле, Сорай совершенно прав, когда отвергает примитивное понимание этой фразы, будто бы Сунь-цзы говорит здесь о том, что отступающий идет так быстро, что его не могут даже догнать. Сорай рассуждает так: "Пусть полководец и обладает искусством скорохода, но его офицеры и солдаты – обыкновенные люди. Быстрота ходьбы у своих солдат и у солдат противника одинакова. Поэтому речь идет не о быстроте хождения", а о быстроте и неожиданности для противника самого отступления. Сорай удачно отводит и толкование Ду Му, который считает, что обе фразы Сунь-цзы следует объединить в одну, так что получается такой смысл: когда при наступлении противник не может устоять, это объясняется тем что ему нанесен удар по его "пустоте", т. е. по самому уязвимому месту. И тогда разбитый и обессиленный противник, естественно, не в состоянии броситься в погоню за победителем, повернувшим назад.

Сорай приводит исторические примеры, когда именно разбитый противник, пустившийся вслед за отходящим победителем, разбивал его. Очень известен один эпизод из войн Цао-гуна. Цао-гун осадил крепость, в которой заперся его противник Чжан Сю. Крепость хорошо держалась, и Цао-гун потерял надежду ее взять. Поэтому он снял осаду и отступил. Чжан, увидев это, вознамерился преследовать отступающего. Его советник Цзя Сю стал уговаривать его этого не делать. Однако Чжан Сю не послушался и все-таки бросился в погоню. Дело обернулось очень плохо для него. Цао-гун, предвидевший погоню, устроил засаду и разбил преследовавших. Тогда Чжан Сю обратился к Цзя Сю с такими словами: "Вы знали наперед, что я потерплю поражение. Вы должны знать и как мне одержать победу". Тот на это ответил: "Выступайте с преследованием тогда, когда вы разбиты ..." Чжан Сю послушался совета и с уцелевшими силами снова погнался за Цао-гуном. Тот, не предвидя более никаких опасностей со стороны только что разбитого противника, шел, не приняв никаких мер предосторожности, был застигнут врасплох и потерпел поражение.

Таким образом, действия китайских полководцев опровергают толкование Ду Му.

Неприемлемо также толкование и Ли Цюаня, который считает, что речь идет об отступлении настолько быстром, что противник не может догнать, причем дело не в том, что отступающий быстрее ходит, чем преследующий, а в том, что отступающие заблаговременно отослали вперед весь свой обоз и таким способом облегчили свое передвижение. Но во-первых, такое толкование выведено не из текста, а из домысла комментатора; во-вторых, когда отступление производится быстро, оно бывает вызвано необходимостью, и тогда трудно ожидать возможности заблаговременно отправить далеко свой обоз; в-третьих, преследующие,

оставляющие за собой тыл вполне обеспеченным, совершенно не обязаны тащить за собой обоз, который замедлил бы их продвижение. Другие комментаторы дают толкования либо слишком узкие, либо частичные. Поэтому я и остановился на толковании Сорая, так как оно имеет то преимущество перед прочими, что вводит эти фразы Сунь-цзы в общий контекст этого раздела.

38

Перевожу китайское "йо" русским "мало", следуя большинству комментаторов (Ду Ю), Ду Му, Хэ Янь-си, Мэй Яо-Чэнь), считающих, что это слово равно по смыслу слову "шао". При переводе получается как будто тавтология: естественно, что если я нападаю на немногих, то сражающихся со мной мало. По-видимому, это обстоятельство заставляет Чжан Юя относить это слово не к противнику, а к себе. Он говорит: "Когда с многочисленным и сильным войском ударяют на немногочисленное и слабое войско противника, затрачивать сил для победы приходится мало, а результат получается большой". Но это толкование (вполне правильное по существу) заставляет относить слово "йо" к себе, а не к противнику. Однако это грамматически невозможно, так как из конструкции ясно, что оно является сказуемым к предыдущему словосочетанию с "чжэ", под чем понимается "тот, кто со мной сражается", т. е. противник. Сорай толкует это слово в смысле "важный пункт" у противника, пункт, имеющий для него существенное значение. Но и это толкование должно быть отвергнуто по той же грамматической причине: в таком понимании это слово не может служить сказуемым к "чжэ". Наиболее правильно, как мне кажется, толкует это слово Ду Ю, который считает, что оно охватывает смысл двух слов: "шао" и "и шэн", т. е. "мало" и "легко победить". На этом толковании я и остановился.

39

Существует мнение, на которое ссылается Сорай, что выражение "юэжень" следует понимать не как собственное имя "юэцы" – жители княжества Юэ, а как словосочетание "превосходить других людей". Однако все комментаторы единогласно принимают это выражение за собственное имя и видят в этом месте трактата отражение той конкретной исторической обстановки, в которой он был создан. Считают, что Сунь-цзы написал свой трактат для князя Холюй, у которого он находился на службе. Княжество У тогда состояло в войне с соседним княжеством Юэ. Поэтому в этой фразе "у" толкуется как самообозначение автора трактата, т. е. Сунь-цзы.

40

Перевожу сочетание "шэнбай" одним словом "победа", так как считаю, что это одно сложное слово, образованное, как это часто бывает, из двух противоположных понятий для обозначения третьего. Беру из этих двух слов слово "победа" потому, что в русском обычно такое положительное понятие берется в качестве обобщающего два противоположных.

41

Перевожу выражения "дэши", "дунцин" и "сышэн" двумя словами "достоинства и ошибки", "движение и покой", "жизнь и смерть" отчасти по стилистическим соображениям: те три фразы, в которые эти выражения входят, составляют одно целое вместе с четвертой. Там же на соответствующем месте стоит параллельное выражение "избыток и недостаток", явно состоящее из двух самостоятельных слов.

42

Чэнь Хао, Мэн-ши, Цзя Линь и Мэй Яо-чэнь понимают это место совершенно иначе. Они относят слово "форма" ("син") к противнику, и, таким образом, вся фраза Сунь-цзы толкуется, говоря словами Мэй Яо-чэня, так: "Место жизни и смерти противника я вижу и узнаю по его форме". Не могу присоединиться к этому толкованию по двум соображениям. Во-первых, совершенно такое же словосочетание "синчжи" уже раз встретилось у Сунь-цзы – в главе V, в словах "когда тот, кто умеет заставить противника двинуться, показывает ему свою определенную форму, противник обязательно идет за ним". Там смысл этого словосочетания не вызывает никаких сомнений. Зачем же здесь придавать ему новое и грамматически очень натянутое значение? Во-вторых, общий контекст этого слова и в особенности этого раздела имеет в виду не пассивное состояние ведущего войну, а его активные мероприятия. Всюду речь идет о выяснении "пустого" и "полного" у противника и выяснении именно не путем наблюдения, а посредством действий: умения пользоваться "полным" и "пустым" у себя. В этом весь смысл, все содержание главы. Таким образом, уже по этому одному толкование указанных комментаторов не может быть принято.

Можно было бы при переводе переставить местами словосочетания "хэ цзюнь" и "сую чжун", т. е. сказать не "формирует армию и собирает войска", а "собирает войска и формирует армию". Мэй Яо-чэнь именно так и толкует эти два словосочетания. Чжан Юй выражение "сую чжун" понимает как [...], т. е. в смысле "собирает войско и придает ему боевой порядок". Это толкование было бы вполне приемлемым, если бы Чжан Юй раскрывал так содержание выражения "сую чжун", но он на деле не раскрывает его, а повторяет его буквально, т. е. дает те же слова "собирает войско" и к этому присоединяет совершенно новое словосочетание – "придает ему боевой порядок". Реально это верно, но в тексте этого нет. Также очень искусственно толкование Ван Чжэ, который считает, что выражение "формирование армии" касается формирования обычного состава "трех армий", т. е. 37 500 человек, "собираение же войска" указывает на сбор двойного состава, т. е. 75 000 человек.

Слово "хэ" толкуется как "цзюнь мынь", т. е. "лагерные ворота", которые так и назывались "хэ мынь". Наименование "ворота мира", которое придано лагерным воротам, иногда предлагают понимать как указание на мир и согласие, царящие или долженствующие царить в лагере между командирами и солдатами (Сорай, цит. соч., стр. 141). Вряд ли это так. Гораздо естественнее, как мне кажется, видеть в этом названии проявление табу, накладываемое в известных случаях на некоторые слова, так что нередко что-либо называется своею противоположностью, как, например, "жизнь" вместо "смерть", "порядок" вместо "беспорядок" и т. п. Поэтому "ворота мира" по существу означают "ворота войны".

Выражение "вэйцзи" комментаторы толкуют очень различно. По Ван Чжэ, это топливо, соль, овощи и лесоматериалы; но первые три вида снабжения входят в состав провиантского обоза, четвертое входит в обоз с боевым снаряжением. Чжан Юй и Ду Му считают, что здесь речь идет об имуществе, но в таком смысле это словосочетание вообще не встречается. Существует мнение, что под этим выражением следует разуметь сено, фураж, но выражение "вэйцзи" в таком значении не встречается. Поэтому я остановился на толковании Лю Иня, который, основываясь на точном значении этих слов, считает, что здесь речь идет о запасах вообще – как боевого снабжения, так и провианта, наличие которых обеспечивает бесперебойное пополнение как боевого, так и провиантского обоза армии.

Некоторые комментаторы дают различные объяснения этим словам Сунь-цзы. Так, например, Цао-гун и Чжан Юй считают, что выражение "спокоен и медлителен как лес" следует понимать в свете ранее высказанной мысли о том, что полководец не сдвигается с места, не видя перед собой обеспеченной выгоды. Следовательно, "медлительность", о которой здесь упоминает Сунь-цзы, есть медлительность, обусловленная именно этим. Не следуя этому комментарию потому, что полагаю, что при таком понимании "медлительность" придется понимать как пассивность, как негативное качество, в то время как по всему ходу рассуждения и особенно в свете предыдущей фразы об обмане на войне не подлежит сомнению, что все перечисленные качества являются позитивными и говорят о той или иной форме активности. Мэн-ши и Ду Му полагают, что медлительность в продвижении есть проявление осторожности, следствие боязни нападения. Но при таком толковании понятие медлительности суживается до понятия медленности движения, в то время как речь идет не о движении, а о действиях в широком смысле этого слова.

Выражение "вторгается и опустошает как огонь" Ли Цюань толкует в смысле предания огню и мечу всего, находящегося на неприятельской территории. Но это толкование переносит центр тяжести в словосочетании "цинлиу", которое мы передаем русским "вторжение", на второй элемент – "лиу" – "грабить" и сводит все выражение к смыслу "грабеж и опустошение". Разумеется, это всегда имело место в войнах и в эпоху Сунь-цзы, но никогда не являлось для Сунь-цзы основным содержанием войны. Точка зрения Сунь-цзы на этот предмет очень ярко выражена в его словах: "Лучше сохранить взвод противника, чем разгромить его". Поэтому, как мне кажется, правильнее толковать выражение "цинлиу", как боевую операцию вторжения на территорию противника или в место расположения его армии, операцию, конечно, соединяемую с истреблением его человеческой силы и грабежом.

Это место трактата толкуется весьма различно. Причина – возможность различно понимать словосочетание "фынь-чжун" и "фынь-ли. Я остановился на том понимании, которое приведено в переводе и комментарии. Но

Хэ Янь-си и Мэй Яо-чэнь полагают, что здесь речь идет о разделе награбленного имущества между своими солдатами, о разделе захваченных земель между своими вассалами. Мне кажется, что такое толкование не обосновано ни грамматикой, ни смыслом. Словосочетания "фынь-чжун" и "фынь-ли" по общему складу фразы должны быть одного типа. Второе из них дает ясную картину сочетания глагола с прямым дополнением "распределять выгоды". Так как здесь речь идет о земле, ясно, что под словом "ли" подразумевается "ди-чжи ли" или просто "ди ли", т. е. выгодное местоположение, удобная позиция, важный стратегический пункт. И тогда все словосочетание получает такой смысл: "при занятии территории противника занимают своими частями важнейшие со стратегической точки зрения пункты". Это правило настолько очевидно, что оно соблюдалось и соблюдается во всех странах и во всех войнах. Если это так, то понимание первого словосочетания уже тем самым предreshается. Грамматически это тоже должно быть сочетание глагола с прямым дополнением, т. е. не разделять что-либо между своими войсками, а разделять свои войска, что опять-таки является общим правилом при "грабеже селений", т. е. когда во все стороны направляют отряды для фуражировки или для опустошения земель противника.

48

Ду Му дает другое толкование этого места. Он считает, что во время ночного боя зажигать много факелов и бить во множество барабанов невозможно, так как ночной бой обычно происходит не на открытом широком месте, а на тесном пространстве; ночной бой это не генеральное сражение, а вылазка, налет и т. п. Кроме того, это и небезопасно, так как открывает противнику свое расположение. Поэтому Ду Му считает, что здесь речь идет о другом. Построение китайской армии в древности напоминает шахматную доску, между клетками которой идут проходы. На местах скрещений этих проходов всюду заранее устанавливаются факелы. По сигналу барабана с дозорной вышки, оповещающему о приближении противника, эти огни немедленно зажигаются, и весь лагерь освещается. Это предотвращает суматоху и беспорядок; солдаты могут легко построиться в боевой порядок и встретить противника в полной готовности. Это толкование, весьма на первый взгляд правдоподобное, тем не менее не может быть принято по трем соображениям. Во-первых, тогда нужно как-нибудь подобным же образом объяснить и вторую часть фразы – о большом количестве знамен в дневном бою, что сделать вряд ли возможно. Во-вторых, при таком объяснении трудно дать удовлетворительное толкование словам [...] В-третьих, исторические примеры свидетельствуют, что к такому приему обмана противника полководцы на Востоке прибегали.

49

Выпускаю при переводе слова [...] как несомненно лишние: они повторяются в конце, где они вполне на месте.

50

Слова, заключенные в скобки, представляют буквальное повторение начала VII главы и здесь явно излишни.

51

Цзя Линь толкует это место по-своему. Он считает, что в словах Сунь-цзы речь идет о соединении в управлении народом метода наград с методом наказаний. При одном всегда необходимо и другое. Но это толкование совершенно неуместно, так как такие понятия, как "награда", "наказание", "выгода", "вред", у Сунь-цзы играют роль совершенно точных терминов, обозначающих именно то, что они обозначают. Поэтому никакой надобности в обозначении одних понятий другим термином нет.

52

Иероглиф, употребляемый для обозначения слова "синь" – "правдивость", "доверие", "вера," по мнению Ду Му, приходится здесь считать заместителем иероглифа #, которым обозначается слово, также звучащее "синь" и значащее "протягивать-ся", "проводить-ся". В таком своем значении этот иероглиф противопоставляется иероглифу #, обозначающему слово "цзюй" – "стигаться", "надламываться". В данной фразе трактата этим словом Сунь-цзы, очевидно, хочет выразить ту мысль, что при умении принимать в расчет одинаково и пользу и вред все старания не "оборвутся по середине", на полдороги, а "приведут к концу", доведут до результата.

53

Останавливаюсь на таком общем толковании этого места, так как считаю, что попытки комментаторов подставлять под слова Сунь-цзы конкретные приемы и методы действий вряд ли обоснованы. Именно поэтому

они все и говорят о разных вещах. Во фразе "подчиняют себе князей вредом" одни видят привлечение на свою сторону важнейших сановников соседнего государства; другие считают, что речь идет о засылке своих агентов, которые дезорганизуют управление, третьи полагают, что тут говорится о посылке шпионов, сеющих рознь между правителем и народом; четвертые думают, что дело сводится к направлению к соседнему князю искусных мастеров, которые подбивают князя на большие и роскошные постройки, что приводит к истощению его казны; наконец, некоторые считают, что здесь может идти речь об отправлении соседнему князю в подарок красавиц, которые отвлекали бы князя от дел правления. Короче говоря, комментаторы перечисляют ряд конкретных мер, направленных во вред соседнему государству, и, конечно, список таких мер может быть еще продолжен. Сунь-цзы же вообще остается на почве общих принципов и поэтому так же следует понимать и это его высказывание. Так же трудно признать и то толкование слова "е", которое дают комментаторы. Так, например, Ду Му и Чжан Юй полагают, что в фразе Сунь-цзы "заставляют служить себе делом" содержится тот смысл, что, если моя страна богата и ее мощь велика, соседние государства сами покорятся. Но, как совершенно правильно замечает Сорай, при таком толковании слово "е" приходится понимать, как сельский труд, сельское хозяйство, которые служили основой всего богатства страны. Но вряд ли можно придавать этому слову такое значение. Ду Ю полагает, что под словом "е" подразумеваются строительные работы, изготовление предметов роскоши или "музыка", т. е. устройство всяких празднеств. Это толкование, во-первых, очень натянуто, во-вторых, делает непонятным глагол "и". Ван Чжэ, ссылаясь на фразу из Цзо-чжуань [...], полагает, что под словом "е" следует подразумевать действия армии. Но, как опять-таки правильно замечает Сорай, в этом месте Цзо-чжуань слова "е цзи" образуют одно сложное слово со смыслом "уже" (ср. Сорай, цит. соч., стр. 188). Поэтому я и считаю, что в этом месте трактата либо вкралась позднейшая вставка, так как совершенно достаточно первой фразы, говорящей о действии вредом, и третьей фразы, говорящей о выгоде; либо же если и принимать эту вставку, то толковать слово "е" именно в смысле "дело", обнимающем собой одинаково понятие и выгоды и вреда. На такое понимание наталкивает, во-первых, контекст: Сунь-цзы только что установил положение, что во всякой выгоде есть свой вред, а во всяком вреде – своя выгода, поэтому вполне возможно в его устах и такое обобщающее понятие; во-вторых, на такое понимание наталкивает само местоположение этой фразы: она помещена по середине между фразой о вреде и фразой о выгоде.

54

Сорай полагает, что "пять опасностей", о которых упоминает в этой фразе Сунь-цзы, и есть те "пять выгод", о которых он говорил выше. Сорай объясняет дело так: "Когда не знают эти пять опасностей, они становятся опасностями. Но если, зная эти опасности, принимать по отношению к ним меры, они становятся выгодой" (цит. соч., стр. 190). Считаю это толкование совершенно неприемлемым, так как, рассуждая о "пяти опасностях", Сунь-цзы имеет в виду те опасности, которые обуславливаются личными качествами полководца; все же предыдущее рассуждение о выгодах, как это явствует с полной очевидностью из самого текста, имеет в виду выгоды вообще – в любом аспекте. Толкование Сорая идет вразрез со всем предыдущим текстом и свидетельствует только о том, что и он оказался замороженным этим словечком "пять" в выражении "пять выгод", заставившим комментаторов идти на всякие натянутые и противоречивые толкования, лишь бы отыскать где-нибудь именно "пять выгод". Я не говорю уже о том, что невозможно вообще слово "опасность" считать заменителем слова "выгода". Сунь-цзы видит взаимоотношение этих двух понятий, но ему никогда не приходит в голову отрицать за каждым элементом этого отношения свое собственное значение и именно – противоположное другому.

55

Перевожу слово "шэн" так, как предлагают все комментаторы, объясняющие его либо как "ян" – "солнечный", либо как "сян ян", – "обращенный к солнцу". Ду Му говорит "мянь нань" – "обращенный к югу", Чэнь Хао толкует, как "сян дун" – "обращенный к востоку". Сорай объединяет оба эти толкования и дает "обращенный на юго-восток".

56

Ду Му и Чжан Юй указывает, что в некоторых изданиях Сунь-цзы на месте иероглифа # стоит иероглиф #. Тогда надо было бы перевести не "при бое с противником, находящимся на возвышенности", а "веди бой, спускаясь вниз", т. е. сверху вниз. Сорай считает, что этот вариант правильнее, так как в этом случае получается более выдержанная грамматическая конструкция всего предложения и логическая связь. Вполне допускаю эту версию, но не считаю возможным взять ее в основу перевода, так как подавляющее большинство читателей Сунь-цзы понимали его так, как это дано в русском переводе. И даже Ду Му и Чжан Юй, приводящие этот вариант, сами дают толкования в том смысле, как это переведено.

Сорай утверждает, что данную фразу понимают двояко: одни комментаторы считают, что речь идет о позиции, занимаемой у реки до переправы, другие полагают, что дело идет о позиции, занимаемой после переправы. Сам Сорай присоединяется к первому толкованию. Но я не мог обнаружить у некоторых из перечисленных комментаторов, якобы сторонников первого понимания, явственных указаний на то, что они именно так понимают Сунь-цзы. Например, Чжан Юй говорит следующим образом: [...]. Словосочетание "го шуй" следует передать по-русски словами "переходить реку". Далее он говорит:[...]. Как перевести слова "цюй шуй" иначе, как словами "отходить от реки"? Нельзя "отходить" от места, до которого еще не дошли. Если следовать Сорая, то нужно было бы перевести эти слова так: "не доходя до реки". Но перевести глагол "цюй", как "не доходить", вряд ли возможно. Поэтому утверждение Сорая, что Чжан Юй является сторонником версии "до переправы" неверно. И так же сомнительны в этом смысле комментарии и некоторых авторов. Поэтому я и счел возможным остановиться на том же понимании глагола "цзюэ", что и в словосочетании "цзюэ шань". Если это последнее следует перевести "перейдя горы", то и первое нужно перевести "перейдя реку". Сорай указывает, что невозможно предписывать войску, переправившемуся через реку, занимать позицию в некотором отдалении от реки: в зависимости от условий как раз может быть выгодно занять позицию именно у самой реки. Это замечание было бы верно, если бы противник находился впереди. Но у Сунь-цзы ясно подразумевается такая ситуация, когда противник находится за рекой и вся цель маневра заключается в том, чтобы вызвать его на переправу. Поэтому я остановился на толковании Чжан Юя, понятом согласно точному смыслу его слов.

Иероглиф # толкуется обычно, как место на берегу моря, пропитанное морской солью, т. е. как топкое место у моря. Считаю, что выражение "чицзэ" можно передать одним словом "болото", т. е. взять это сочетание как одно общее понятие, охватывающее вообще все виды топких мест.

Слова "сы" и "шэн" Ду Му и Чжан Юй толкуют, как "низкое место" и "высокое место". Сорай возражает, считая, что в таком случае это есть повторение уже сказанного, и предлагает "сы" понимать как место безводное и лишенное всякой растительности, "шэн" – как обратное. Он считает, что иметь местность с водой и растительностью перед собой невыгодно, так как это служит препятствием во время боя; иметь же такую местность сзади себя – выгодно, поскольку она может служить естественным укрытием. С точки зрения китайской стратегии это правильно, но другие комментаторы дают иные толкования, также вполне приемлемые. Я остановился на толковании Ду Му и Чжан Юя, которое мне кажется более правильным в связи с общей идеей Сунь-цзы о выгоде боя на наклонной местности; кроме того, через несколько строк сам Сунь-цзы совершенно ясно говорит о том, что справа и позади себя нужно иметь возвышенность.

Слова "четыре императора" доставляют много хлопот комментаторам. Китайская историческая традиция говорит о периоде "пяти императоров" глубокой древности, но эти "императоры", первым из которых был Хуан-ди, считающийся этой традицией основателем китайского государства (2696 – 2597 гг. до н. э.), следовали друг за другом, и Хуан-ди, следовательно, не мог с ними бороться. Ввиду этого Мэй Яо-чэнь, Ван Чжэ и Хэ-ши считают, что здесь имеет место ошибка в знаке: вместо император, должен быть знак – войско. В таком случае речь шла бы о победе Хуан-ди не над "четырьмя императорами", а над "четырьмя армиями". Цао-гун, Ли Цюань, Чжан Юй и другие принимают текст так, как он здесь переведен. Действительно, в древнем начертании (в почерке Дачжуань) иероглифы # и # мало похожи друг на друга. Однако эти споры по существу совершенно излишни, так как важнее то, что здесь стоит число "сы" – "четыре", которое всегда может указывать на "четыре стороны", что означает "все стороны". Поэтому сказано ли, что Хуан-ди победил "четырех императоров" или "четыре армии", все равно это имеет только один общий смысл: победа над всеми вокруг. Поскольку же свидетельство предания, что Хуан-ди "объединил Китай", покорив всех "чжухоу" – князей отдельных местностей, исторически означает возвышение одного из племенных вождей над другими и образование какого-то племенного союза, постольку лучше принять версию "четыре императора", т. е. окрестных племенных старейшин.

Цао-гун толкует слово "ши" как "гао", т. е. "высокое место", "возвышенность". Считаю, что Сорай делает правильное, предлагая понимать это слово в смысле "цзянь" – "крепкий", "твердый".

Каждый комментатор несколько по-своему описывает признаки каждой из этих местностей. Между ними есть, конечно, некоторые разногласия. Но все эти описания различаются главным образом в деталях. Поэтому я беру для объяснения этих терминов только одно толкование – Чжан Юя, кажущееся мне наиболее точным.

Слово "йо" употребленное здесь Сунь-цзы, мало понятно, что открывает простор различным догадкам. Из всех предложенных комментаторами толкований выбираю толкование Чэнь Хао, объясняющее это слово через выражение "цюй жо" – "быть надломленным", быть обессиленным".

В версии текста, принимаемой Лю Инем (в его [...]), последняя часть абзаца имеет совершенно другой вид:[...], т. е. "если они убивают лошадей и едят их мясо, значит, у них нет больше продовольствия; если они развешивают свои котелки (в которых готовят пищу) на деревьях (т. е. бросают их за ненадобностью) и не идут в лагерь (т. е. с отчаянья уже не стремятся укрыться в укрепленном месте), значит, они – доведенные до крайности разбойники". Однако эта версия мне кажется мало вероятной, так как в этом случае оставалось бы странным, почему говорится о том, что убивают коней, а не волов, служивших для перевозки снаряжения; кроме того, знак #, по Шовэню, обозначает не котелок для варки пищи, а именно кувшин для вина. Переведенная мною версия дается во всех прочих изданиях трактата и принимается такими авторитетными знатоками Сунь-цзы, как Ду Ю, Мэй Яо-чэнь, Ван Чжи, Чжан Юй.

Кстати отмечу, что предыдущая фраза [...], переведенная мною: "если его командиры бранятся, значит, солдаты устали", т. е. со вставкой "солдаты", другими комментаторами, например Ду Ю, понимается иначе: "Если его командиры бранят (своего командующего), значит, они устали".

Сорай полагает, что словосочетание "цюй жэнь" следует понимать в смысле "вырывать победу у противника", обращать его действия себе на пользу. Такое толкование возможно и в духе Сунь-цзы, но в данном месте не обязательно. Ду Му толкует это словосочетание совершенно оригинально: выбирать людей способных и талантливых. Это связано с общим его пониманием этого места. Он полагает, что Сунь-цзы говорит о том, что когда нет численного превосходства противника и нельзя надеяться на особую храбрость своих солдат, следует отобрать наилучших, перемешать их с остальной массой и, тщательно взвесив все положение у противника, одержать победу. Это толкование неприемлемо потому, что тогда слово "жэнь" приходится относить к своим солдатам, в то время как обычно у Сунь-цзы, а главное – сейчас же в следующей фразе им обозначается именно противник.

Ду Му толкует слово "гуа", как местность гористую и обрывистую, в которой позиции обеих сторон частично заходят друг за друга, как "зубы собаки". Однако при таком толковании трудно понять смысл указаний насчет боя в такой местности, которые дает Сунь-цзы. Поэтому я и остановился на толковании Лю Иня, прямо говорящего, что здесь разумеется местность впереди низкая, позади высокая т. е. более возвышенная там, где находишься сам, и более низменная там, где находится противник; иначе говоря, наклонная в сторону противника. Это толкование лучше всего согласуется с последующей характеристикой такой местности, данной самим Сунь-цзы (п.3).

Словом "шанцзян" в период Чуньцю обозначали командующего передовой армией в соединении "трех армий", т. е. передовой, центральной и тыловой. Но в данном случае правильнее понимать этот термин в его общем значении – "главный", или, как я предпочел перевести, "верховный полководец", главнокомандующий.

Интересно, что с этим предписанием – "грабь" мирились далеко не все комментаторы Сунь-цзы. Ли Цюань, например, считает, что в этом месте текст дефектен: будто бы выпал один иероглиф "бу" – отрицание, что в

оригинале должно было быть вместо "грабь" – "не грабь". Но это является чистейшим вымыслом комментатора, ни на чем не основанным. Сунь-цзы, несомненно, допускает грабеж, как это видно не только из этого места, но и из II главы, где он прямо говорит о том, чтобы продовольствоваться за счет противника.

69

Слова, поставленные в скобки, повторяются в главе XII, п.5. В обоих случаях они укладываются в общий контекст, но в главе XII, по-видимому, более уместны поскольку там затрагивается тема "выгоды".

70

В своем комментарии к этому месту я упомянул, что европеец сказал бы: "храбры как Гектор и Ахиллес". Древние эллины, несомненно, протестовали бы против какого бы то ни было сопоставления своих прославленных героев с Чжуань Чжу и Цао Куй. В самом деле, подвиги этих древних китайцев, может быть, и свидетельствуют об их храбрости, но никак не являются доказательствами их благородства. Чем прославился Чжуань Чжу? В период Чжаньго (VI в. до н. э.) в княжестве У случилось такое событие. Один из принцев – Гуан замыслил убить правившего тогда князя Лао. По совету У Цзы-сюя он привлек для этой цели известного храбреца Чжуань Чжу. Устроив пышный пир, на который был приглашен ничего не подозревавший князь со своею свитой, он приказал повару вложить в большую рыбу, поданную на стол, меч. Когда эта рыба была подана и разрезана, Чжуань Чжу по данному сигналу выхватил меч и заколол князя, а затем, обратившись на оторопевших от неожиданности его приближенных, переколол и их.

Также не очень большим благородством отличается и подвиг Цао Куя. Дело происходило в период Чуныцю (VII в. до н. э.). Цао Куй был военачальником на службе в княжестве Лу у князя Чжуан-гуна и притом военачальником неудачливым: он три раза проигрывал войну с соседним княжеством Ци. В результате часть земель княжества Лу отошла к Ци. Тогда луский князь решил примириться с циским князем и повел с ним мирные переговоры. И вот во время встречи князей Цао Куй, бывший в свите своего князя, внезапно выхватил кинжал, приставил его к горлу циского князя и потребовал возвращения отнятых территорий.

71

Перевожу словосочетание "фан ма" согласно толкованию Ду Му, т. е. в смысле "связывать лошадей и строить их четырехугольником". Считаю, что к этому толкованию обязывает общий контекст с последующим выражением "май лунь" – "зарывать колеса в землю". Речь идет об устройстве из всех колесниц, главным образом, конечно, из тяжелых, специально предназначенных для обороны, чего-то вроде баррикад, окружающих войско с четырех сторон. В этом случае лошади связываются вместе и также расставляются по сторонам вместе с колесницами.

72

Перевожу слова "ган" и "жоу": собственно – "твердый" и "мягкий", русскими – "сильный" и "слабый", согласно комментарию Цао-гуна, Ду Му, Мэй Яо-чэня и Ван Чжэ, которые подставляют на место этих иероглифов другие – [...]. Это как будто противоречит контексту: слова "ган" и "жоу" приурочиваются обычно к земле. Так по крайней мере установлено Сицы-чжуанем И-цзина, где "твердость и мягкость" даны именно как свойства земли. В этой же фразе далее стоят слова [...], т. е. закон земли. Но следует переводить слова Сунь-цзы не в отдаленном контексте, а в ближайшем. Речь идет не вообще о земле, как это дано в И-цзине, а о земле как местности; "закон земли" у Сунь-цзы не "природа земли", а "закон местности". Поэтому и слова "твердость и мягкость" относятся к тому, что создает географическая обстановка. По мысли же Сунь-цзы, эта географическая обстановка создает в известной мере силу и слабость армии. Поэтому "твердость и мягкость" и получают значение переносное – "сила и слабость".

73

Позволяю себе вставить в переводе выражения [...] "неизбежное", слово "положение". Делаю это на основании того, что это слово само напрашивается из всего контекста. Это чувствуется и всеми комментаторами, а Мэй Яо-чэнь в своем парафразе прямо вставляет слово "ши" – "положение".

74

Цзя Линь толкует слово "ши" во фразах [...] и [...], как "он", т. е. противник, и поэтому все это место получает совершенно другой смысл: полководец должен уметь заставлять противника менять свое местопребывание, идти окружными путями. Этот комментарий неприемлем по четырем причинам: 1) несомненно, что эта фраза

составляет одно целое с предыдущей, полностью совпадающей с ней по конструкции; слово "ци" в той фразе явно относится к самому полководцу; 2) при таком понимании становится нелепой вся фраза: "Полководец должен уметь заставлять своего противника менять свое местопребывание, идти окружным путем и не допускать, чтобы другие могли что-либо сообразить"; выходит, что полководец должен стараться, чтобы действия и планы противника были непонятны; 3) весь общий контекст этого места говорит о действиях полководца, направленных к тому, чтобы окутать тайной свои планы и поступки, так что толкование Цзя Линя не укладывается в общее русло мыслей Сунь-цзы; 4) понять так, как рекомендует Цзя Линь, мешают грамматические соображения: текст Сунь-цзы убедительно свидетельствует, что в его время в китайском языке существовал вполне оформленный побудительный залог и Сунь-цзы им прекрасно и точно владеет; поэтому понимать "и" – простой переходный глагол, как глагол в форме побудительного залога, никакой необходимости нет.

75

Параграфы 20 и частично 21 этой главы оставляю без комментирования, так как здесь, как и в главе VIII, по-видимому, имеет место какой-то дефект текста. Ясно, что содержание таких параграфов в своей большей части либо буквально, либо в несколько иной редакции повторяет сказанное в начале главы. Это можно было бы объяснить желанием автора до изложения своих указаний, как нужно действовать в каждой из местностей, еще раз перечислить установленные им типы местностей и повторить с некоторыми дополнительными штрихами свои объяснения каждого из них. Но в таком случае почему автор не перечисляет всех девяти типов, а берет только семь? Далее, в текст вставлено новое положение о "местности отрыва". Как это понимать? Есть ли это новый род местности или иное название какого-нибудь из указанных ранее? Мэй Яо-чэнь полагает, что это новый род, а именно: местность, лежащая посередине между "местностью рассеяния", т. е. собственной территорией, и "местностью неустойчивости", т. е. пограничными районами на территории противника. Что же это такое? Сама пограничная полоса? Но вряд ли в условиях размежевания границ в древнем Китае эта полоса была настолько широка, что на ней были возможны военные действия с особым их характером. Ван Чжэ и Чжан Юй думают, что речь идет о местности очень далекой, когда армия в своем походе оставила за собой не только свою землю, но и ряд чужих земель. Мне кажется, что толковать это выражение можно двояко, исходя из точного смысла слов Сунь-цзы. Сунь-цзы говорит: "Когда уходят из своей страны и ведут войну, перейдя границу, это будет местность отрыва". Не значит ли это, что Сунь-цзы этим названием обозначает вообще все роды местности на территории противника, т. е. местность пограничную, местность в глубине неприятельской территории и т.д.? Возможно и другое толкование. Так как Сунь-цзы не дает ни раньше, ни позже никаких указаний, как нужно действовать в такой местности, может быть, под этим подразумевается сама пограничная линия? Не пограничная полоса, как думает Мэй Яо-чэнь, а именно сама граница? Не может ли быть она названа "местом отрыва" от родной почвы?

76

Очень затруднительно для понимания слово "го" в фразе [...]. Перевожу эту фразу в духе комментариев Цаогуна, Мэн-ши, Ли Цюаня, Мэй Яо-чэня и Чжан Юя, дающих – в разных вариантах и с разными оттенками – в общем одно толкование: такой обстановки, когда опасность положения достигает исключительной остроты.

77

Следую в понимании и, следовательно, в переводе выражения [...] одному из японских исследователей Сунь-цзы, – Фудзии Сэссай ([...]), который в своем написанном по-китайски комментарии под названием [...] (1827) обращает внимание на наличие в древних китайских исторических текстах двух выражений: [...] и [...]. Первое выражение есть сочетание двух слов: "ван" и "ба" и означает, следовательно, "царь", т. е. наследственный властитель, так сказать, легитимный монарх, и "гегемон", т. е. глава союза князей; второе выражение есть одно слово "баван", означающее то же, что и [...] т. е. "гегемон".

78

Чжан Юй дает очень странное толкование всему этому месту трактата. Он считает, что слова [...] – "его войска не смогут быть собраны", а также слова [...] – "его союзы не смогут быть заключены" относятся не к "большому государству" и не к "противнику", а к самому гегемону. В таком случае вся фраза получает приблизительно такой смысл: если завоеватель, в упоении своим могуществом и полагаясь на свою силу, будет нападать на своих соседей, то, когда он встретит сильного противника, у него сразу обнаружатся отрицательные стороны его власти: ему трудно будет собрать под свои знамена все покоренные им народы, никто не пойдет на союз с ним. В том же духе толкует Чжан Юй и следующую фразу: если завоеватель не станет прилагать усилий к заключению

союзов, не станет укреплять свою власть всяческими средствами и будет полагаться только на одну силу, он обязательно растеряет все свои завоевания: сдадутся его крепости, распадется его держава. Это толкование опровергается, по-моему, тем, что слово "ци", как в первой фразе, так и во второй, можно относить только к ближайшему существительному, в первом случае – к "большому государству", во втором – и "противнику", а никак не к отдаленному или даже подразумеваемому слову "баван" – "гегемон". Кроме того, оно настолько не вяжется с общим контекстом, что и сам Чжан Юй вынужден признавать возможность и другого толкования, и именно в том направлении, в котором эти слова переведены по-русски.

79

Перевожу это место в духе толкования Хэ Янь-си. Выбираю это толкование, так как считаю, что понимать знак #, как равнозначный знаку #, что предлагает Цао-гун, а за ним и Ду Му, в данном случае совершенно не обязательно.

80

Фудзицука и Мори, авторы новейшего японского комментария трактата Сунь-цзы считают, что вся часть этой главы, охватывающая пп. 20 – 30 по нашей разбивке текста, является позднейшей вставкой (см. стр. 562 – 564 их комментария). Дефект текста в пп. 20 – 21, как об этом и сказано выше, очевиден: это ясно из простого текстуального анализа. Но каких-либо текстуальных же признаков, заставляющих отвергнуть и весь остальной текст, нет. Указанные комментаторы, впрочем отвергают этот текст по общим соображениям вроде того, например, что такая-то мысль слишком элементарна для Сунь-цзы, такая-то не могла быть им высказана. Трудно, конечно, ручаться за каждую фразу текста, но, как мне кажется, о принадлежности и этой части к сложившемуся тексту Сунь-цзы говорят два места: то, где говорится о "войне гостем" и то, где говорится о "гегемоне". Идея "войны гостем" – вполне укладывается в общее русло рассуждений Сунь-цзы; что же касается слов о "гегемоне", то они могли появиться только у того, для которого образ гегемона был вполне реален.

81

В этом перечислении объектов огневого нападения есть некоторая неясность, отчетливо отражаемая комментаторами. Непонятно различие между "сожжением людей" и "сожжением отрядов". На первый взгляд речь идет об одном и том же – об уничтожении живой силы противника. Это обстоятельство заставляет комментаторов пускаться на всевозможные догадки. Ли Цюань, Мэй Яо-чэнь и Чжан Юй полагают, что под словом "отряд" – "дуй" – следует понимать "дуй чжан", т. е. "оружие". Но Сорай справедливо замечает, что если речь идет об оружии, хранящемся в складах, незачем об этом говорить, так как об этом упоминается особо; говорить же о сожжении оружия на руках у солдат нелепо. Другие комментаторы пытаются подставлять на месте иероглифа # другие иероглифы, обозначающие слова, сходные до звучанию: Цзя Линь ставит иероглиф # – "ход в земле", "траншея" – и полагает, что речь идет о поджоге этих ходов, служащих для доставки снабжения; Ду Ю подставляет иероглиф # – "ронять", "бросать" – и полагает, что речь идет о забрасывании в стан противника пламени. Но это никак не вяжется с общим контекстом. Поэтому я полагаю, что лучше всего остановиться на том понимании, которое основано непосредственно на самом значении этих слов: "сожжение людей" следует понимать, как сожжение людей противника вообще, как вооруженных, т. е. солдат, так и населения. Такое толкование поддерживается сведениями о практике войн, когда огню нередко предавались целые селения и даже районы. Под словами "сожжение отрядов" следует понимать огневое нападение на армию в точном смысле этого слова, т. е. на лагерь противника, иначе говоря, – поджог его лагеря.

82

Перевожу эту фразу согласно толкованию Ли Цюаня, который определенно указывает, что под словом "ду" следует разуметь "длинное, короткое, широкое, узкое, далекое, близкое, большое, маленькое словом все, что можно измерить мерами и числами". Сорай предлагает понимать это слово в смысле тех "мер", которыми измеряется "движение луны и звезд", тех "форм", которыми характеризуются Инь-Ян, вся природа, ветер, облака (Сорай, цит. соч., стр. 332). При таком толковании эта фраза Сунь-цзы получает смысл отрицания гаданий как средства узнать наперед что-либо о состоянии противника. Но это отрицание вложено, по свидетельству Мэй Яо-чэня, в слова о божествах и демонах. Поэтому я и полагаю, что Ли Цюань, давая новый смысл этой третьей фразе Сунь-цзы, ближе к его мысли.

83

Передаю выражение "инь цзянь" словами "местный шпион", на основании замены иероглифа # иероглифом #,

которую рекомендуют сделать Цзя Линь и Чжан Юй. Чжан Юй прямо считает, что в тексте ошибка. Сорай ссылается на издание Лю Иня ([...]), в котором говорится, что в старых изданиях этого трактата везде стоит иероглиф #. Тот же иероглиф стоит и в издании минского Хэ Янь ([...]) – [...] (Сорай, цит. соч., стр. 333).

84

Трудное выражение "шэнь цзи" ([...]) толкуется различно. Слово "шэнь" – "бог", "божество" – понятно; его обычное значение как эпитета равнозначно русскому "сверхъестественный", "непостижимый", "таинственный" и т. п. Различному толкованию поддается слово "цзи". Одни толкуют его как синоним "фа" – "закон", "способ". В таком случае фраза Сунь-цзы принимает приблизительно такой смысл: умение пользоваться шпионами – это замечательный способ действий. Другие комментаторы придают слову "цзи" смысл "признак", "проявление", и тогда это будет означать характеристику шпионской работы как какого-то чуда. Цзя Линь считает "цзи" синонимом "ли", т. е. "закон", "принцип", что означает в целом определение законов шпионажа как каких-то сверхъестественных, непостижимых. В издании [...] слово "цзи" толкуется как "тяоли", т. е. "правило", "установление", и тогда смысл сочетания "шэнь цзи" получается несколько иной: в деятельности шпионов нет ничего сверхъестественного и поразительного; она руководствуется строго определенными, точными правилами. Трудно отрицать целиком какое-либо из этих толкований. Ввиду неопределенности самого понятия "цзи" вполне допустимо каждое из них. При переводе остается только выбирать. Я выбрал слово "непостижимая тайна". Сделано это потому, что, как мне кажется, вся эта фраза Сунь-цзы есть восклицание, несколько аффектированная характеристика шпионской работы. Ведь, заканчивая эту фразу, он говорит: "они (шпионы) – сокровище для государя". Поэтому мне и показались более совпадающими с общим приподнятым тоном изложения слова "непостижимая тайна".

85

Перевожу словосочетание "шоу цзян" словами "военачальники на его службе", на основании толкования Чжан Юя, считающего, что под этим выражением подразумеваются вообще военачальники, "занимающие свой пост и несущие определенные обязанности". Передавать это словосочетание по-русски словами "военачальники, защищающие его крепость", как это можно было бы исходя из смысла иероглифа #, особенно при наличии выше слова "чэн" – "крепость", считаю невозможным, так как из всего контекста ясно, что речь идет не только об осаде крепостей, но вообще о всяких действиях против неприятеля.